

ЛЕЙТЕНАНТ ТОЧКА

Светлана Дроздова

Нулевая точка. Том 3

«Автор»
2026

Дроздова С. В.

Нулевая точка. Том 3 / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

В разрушенном мире Воронки клан «Нулевые» под командованием Алекса балансирует на грани выживания. Еда на исходе, вода заканчивается, а в голове лидера растёт интеграция с чужеродным Нулевым объектом — чёрная рука, когти и голос мёртвого Пророка, угрожающие поглотить его личность.После уничтожения подкопа «Чистильщиков» Алекс понимает: отсидеться не получится. На севере — цитадель «Железного кулака» во главе с Бароном, на юге — загадочная Мадам. Единственный шанс — нанести удар первым. Но для этого нужно заключить сделку с лейтенантом Когтем, человеком, который пытал и чуть не превратил в «Молчаливого» лучшего разведчика клана — Валета.Валет возвращается из плена сломленным, с металлическим имплантом в затылке, но приносит главное — расписание караулов и схему дренажного туннеля под западной стеной цитадели. Начинается лихорадочная подготовка: беженцы, ещё вчера молившиеся Пророку, теперь строят баррикады; арбалеты пересчитаны до последнего болта; щит Кремня треснут, но держится.

© Дроздова С. В., 2026
© Автор, 2026

Светлана Дроздова
Нулевая точка. Том 3

ГЛАВА 39. АНАЛИЗ ВРАГА

Часть первая. Три угрозы

1.

Рассвет над фортом «Нулевых» был серым, как пепел, холодным, как сталь, и тревожным, как тишина перед взрывом. Алекс стоял на северной стене, в том самом месте, где вчера сидел, глядя на пустошь, и сегодня снова смотрел в серую мглу, но теперь уже не на запад, где догорали костры «Ткачей», а на север — туда, где прятался «Железный кулак». Ветер дул с востока, неся с собой мелкий, колючий пепел, который забивался в глаза, в нос, в рот, заставлял кашлять и жмуриться. Но Алекс не жмурился. Он смотрел.

Внизу, во дворе форта, просыпался его клан. Тот, который ещё вчера насчитывал двадцать три человека, а сегодня — сорок пять. Беженцы из лагеря «Ткачей» спали вповалку, укрывшись старыми, рваными куртками и обрывками брезента, которые нашлись в кладовых. Двадцать два новых рта. Двадцать две пары рук, которые ещё не знали, как держать нож в бою, но уже умели молиться — или проклинать, или просто выть от отчаяния. Алекс смотрел на них, и в его груди пульсировал осколок — не в такт сердцу, а в каком-то своём, чужом ритме, который навязывал голос Пророка, затихший, но не умолкший.

Интерфейс пульсировал перед глазами, как больной зуб, как маяк, как приговор, вынесенный судьей, которого нельзя подкупить.

[Время с момента активации: 338 часов 12 минут]
[Интеграция: 61% → 61.3% (ночной прирост)]
[Психоэмоциональный след: 30% → 28% (медленное снижение)]
[Автономный режим: активен. Последний приступ: 4 часа назад]
[Население форта: 45 человек (23 старых, 22 новых)]
[Ресурсы: еда — на 4 дня, вода — на 2 дня, боеприпасы — на 1 бой]
[Угрозы: «Чистильщики» (подкоп — 2 метра, взрывчатка заложена), «Железный кулак» (40+ бойцов, лидер — Барон, ур.20), «Ткачи» (идеологическая угроза, 22 беженца)]

Сорок пять человек. Алекс провёл пальцем левой руки по шершавому бетону парапета, и мелкая крошка осыпалась вниз, в темноту, где ещё спали люди, не зная, что сегодня им, возможно, придётся умирать. Он вспомнил, как начинал — один на бетонной плите, с интерфейсом, пульсирующим в темноте, и крысами, которые смотрели на него красными глазами, полными голода и любопытства. Теперь у него был клан. Семья. Обуза. Надежда.

Он посмотрел на свою правую руку. Бинты, которые Лайла наложила всего несколько часов назад, уже пропитались чёрной жидкостью — не кровью, чем-то другим, более густым, более тяжёлым, похожим на нефть, на смолу, на ту самую тьму, что пульсировала в сердце Нулевого объекта. Когти торчали из ткани, как иглы, как клыки, как осколки Нулевого объекта. Они выросли за ночь — ещё на миллиметр, может быть, на два. Алекс помнил, какими они были в первый раз, когда он активировал «Коготь Нуля» в бою с Вожаком, — короткими, почти

незаметными, похожими на утолщённые ногти. Теперь они были длинными, изогнутыми, как серпы, и чёрными, с фиолетовыми прожилками, которые пульсировали в такт его сердцу.

Он чувствовал, как они царапают бинты изнутри, как вены пульсируют, как осколок в груди бьётся в такт чужому ритму. Иногда ему казалось, что его правая рука больше не принадлежит ему. Она была оружием. Инструментом. Частью системы, которая медленно, но неотвратимо пожирала его.

Внизу, у импровизированной кухни, Лайла раздавала завтрак. Она стояла у котла, подвешенного над биогазовой горелкой, и тусклое голубоватое пламя лизало дно, высекая из воды и грибов жалкое подобие похлёбки. Пар поднимался над котлом, пахнущий грибами, солью и чем-то ещё — может быть, надеждой. Её лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени — она не спала больше, чем он, готовя аптечки, пересчитывая ампулы, проверяя дозы обезболивающего, которые таяли с каждым днём, как лёд под весенним солнцем. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. Она выглядела старше своих лет — Воронка старила всех, но медиков особенно. Каждая смерть, которую она не могла предотвратить, оставляла след. Каждая жизнь, которую она спасала, забирала часть её самой.

Рядом с ней стояла Вера — женщина с ребёнком, которую они привели из лагеря «Ткачей». Вера помогала разливать похлёбку, её лицо было бледным, но глаза — серыми, усталыми — смотрели на беженцев с жалостью и страхом. Её ребёнок — девочка лет трёх, с огромными серыми глазами и тонкими, как спички, руками — сидел у её ног, сжимая пустую миску, и смотрел на Алекса снизу вверх. В её взгляде не было страха. Было любопытство. И надежда.

Дети беженцев — пятеро, все худые, большеглазые, с впалыми щеками и синевой под ногтями — сидели у стены, сжимая пустые миски, и смотрели на детей «Нулевых», которые играли в «войнушку» с палками и обрезками арматуры. Старшая девочка — та самая, что дала Алексу камень, — показывала им, как правильно держать нож. Её лицо было серьёзным, почти взрослым, и Алекс видел в ней что-то от Лены — ту же раннюю, не по годам выросшую жёсткость, которая рождалась не от хорошей жизни, а от постоянного страха смерти. Она не улыбалась. Она учила. Потому что знала: уметь защищать себя — это единственный способ выжить в Воронке.

Алекс смотрел на детей, и внутри, где-то глубоко, голос Пророка шептал: «Они верят в тебя. Они смотрят на тебя, как на бога. Не обмани их ожиданий. Стань тем, кем они хотят тебя видеть. Это легче, чем бороться. Это легче, чем умирать.»

Алекс мысленно ответил: «Заткнись».

Он активировал «Тишину» — всего на три секунды, пробуя дозировать, не тратить лишнее здоровье. Мир стал пустым. Холодным. Безэмоциональным. Голос замолк. Страх исчез. Боль ушла. Осталась только цель — холодная, ровная, как лезвие ножа. Потом эмоции вернулись — липкие, тяжёлые, как мокрая одежда после боя, как грязь, которая въедается в кожу и не смывается даже после долгого мытья.

Интерфейс выдал:

[«Тишина» (ур.1): 3 секунды. ОЗ: -9 (231/240). ОВ: -8 (132/140).]

[Психоэмоциональный след: 28% → 27% (подавление)]
[Предупреждение: резкое подавление эмоций может усилить чужеродное влияние при длительном использовании.]

«Три секунды — и почти десять здоровья, — подумал Алекс, глядя на пульсирующие цифры. — Если я буду использовать её в бою, я умру от потери крови быстрее, чем от вражеского клинка. Смешная цена. Страшная цена.»

Он посмотрел на свою правую руку ещё раз, разглядывая каждую линию, каждую вену, каждый миллиметр чёрной кожи, которая когда-то была розовой, живой, обычной. Кожа на пальцах была почти прозрачной — под ней проступали кости, белые, как мел, как полотно, как лицо мертвеца. Он пошевелил пальцами — кости двигались плавно, без хруста, без боли. «Коготь Нуля» менял его. Не только душу — тело. Медленно. Неотвратимо. Как раковая опухоль. Как интеграция.

2.

Шрам поднялся на стену, бесшумно, как тень, но Алекс услышал его — тяжёлое дыхание, хруст ступеней под сапогами, лёгкое поскрипывание повязки на боку. Шрам встал рядом, прислонился плечом к парапету, и его единственный глаз — коричневый, усталый, с красными прожилками от недосыпа и постоянной боли — смотрел на север, туда, где в серой мгле прятался враг.

— Ты не спал, — сказал Шрам. Это был не вопрос — утверждение. Он всегда говорил то, что видел, без прикрас, без попытки смягчить правду. Правда была единственным, что у них оставалось.

— Не мог, — ответил Алекс, не отрывая взгляда от горизонта. — Думал.

— О чём? — Шрам достал из кармана тряпку, начал протирать лезвие тесака. Лезвие было чистым — он чистил его каждые полчаса, даже когда не было боя, потому что грязное оружие убивает не врага, а владельца. Ржавчина, грязь, запёкшаяся кровь — всё это делало клинок тупее, ненадёжнее, смертельнее для того, кто им пользуется. Шрам знал это. Он знал всё об оружии, потому что оружие было его жизнью.

— О том, как прокормить сорок пять человек, когда у нас еды на четыре дня, — Алекс говорил медленно, как будто перечислял пункты приговора. — О том, как защитить их, когда у нас девять бойцов и двадцать два человека, которые никогда не держали оружия. О том, как не сойти с ума, когда голос мёртвого Пророка шепчет мне в голову, что я — бог. О том, как остановить интеграцию, которая растёт даже во сне. О том, как не дать системе убить меня, когда я закрою глаза в следующий раз.

Шрам помолчал. Потёр лезвие тряпкой ещё раз, хотя оно и так блестело, как зеркало. Потом сказал:

— Ты не бог. Ты — человек, который устал. Это хуже. Боги не устают. Люди — да. Но люди умеют выбирать. Боги — нет. Им всё равно. Им никто не нужен. А ты нужен. Этим детям. Этим беженцам. Нам.

Алекс усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ. Усмешка была как трещина на бетонной стене, как шрам на лице Шрама, как осколок, пульсирующий в груди.

— Ты говоришь как Архивариус.

— Архивариус умён, — ответил Шрам, убирая тряпку в карман. — Я — нет. Я просто говорю то, что вижу. Я вижу, что ты ещё не сдался. Это главное. Если бы ты сдался, ты бы уже лежал в медотсеке, как Клещ, или стоял на коленях перед беженцами, как новый Пророк. Ты не сдался. Ты стоишь здесь, смотришь на север и думаешь, как убить врага. Это наша работа. Это наша жизнь. Не богов — людей.

Он указал вниз, на детей, которые играли в «войнушку». Старшая девочка учила малышей, как правильно держать палку, как замахиваться, как бить. Её движения были резкими, неуклюжими, но в них чувствовалась та же решимость, что была в глазах Шрама, когда он готовился к бою.

— Они смотрят на тебя, — сказал Шрам. — Они не знают, что такое интеграция, автономный режим, голос Пророка. Они знают, что ты — тот, кто защищает их. Не обмани их ожиданий. Не становись богом. Стань человеком, который держит нож и не боится умереть. Этого достаточно. Этого всегда было достаточно.

Алекс хотел ответить, но внизу, у ворот, послышался шум. Не крик — приглушённые голоса, топот ног, звон металла. Лайла крикнула что-то — не испуганно, тревожно, с той особенной ноткой в голосе, которая появлялась только тогда, когда она видела то, что не могла вылечить ножом или таблетками. Алекс повернул голову и увидел, как двое беженцев — мужчина и женщина — упали на колени, глядя на него. Их лица были бледными, измождёнными, с глубокими тенями под глазами. Глаза были белыми, пустыми, как у смотрящего, и на лбах пульсировали чёрные метки — слабые, едва заметные, но живые, пульсирующие в такт их сердцам. Они шептали: «Пророк. Пророк. Пророк».

Их голоса сливались в один тихий, монотонный шёпот, который разносился по двору, как ветер, как шорох смерти, как голос из другого мира.

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь даже сквозь толстые бинты. Чёрная кровь — густая, тяжёлая, пахнущая озоном — проступила на ткани, оставляя тёмные, почти незаметные пятна. Он не обращал внимания. Боль была его старым другом. Она напоминала ему, что он ещё жив.

— Вот оно, — сказал Шрам, глядя на беженцев. Его единственный глаз сузился, и в нём не было жалости — только холодный, выверенный расчёт. — Твоя третья угроза. Не «Чистильщики». Не «Железный кулак». Вера.

3.

Командный центр форта никогда не был таким тесным. В маленьком, закопчённом помещении, где раньше собирались только капитаны, теперь стояли все, кто имел голос. Воздух был спёртым, тяжёлым, пахнущим потом, машинным маслом и страхом. Аварийные лампы горели тускло, отбрасывая длинные, вытянутые тени на стены, на карты, на лица людей.

Шрам — у стены, сжимая тесак, его лицо бледное, но глаза живые, острые. Валет — в углу, в тени, почти невидимый, почти растворённый в сером свете, его «Когти Ворона» пульсируют тускло, артефакт сыт, но ненадолго. Архивариус — за пультом, его пальцы бегают по клавиатуре, выводя на экран карты, схемы, цифры, он бормочет что-то под нос, пересчитывает, проверяет, не ошибается ли. Кремень — у входа, прислонившись плечом к косяку, щит за спиной, его лицо спокойно, как у человека, который делал это тысячи раз. Клык — на полу, перебирая арбалетные болты, сломанный мизинец туго замотан тряпкой, он раскладывает болты по кучкам — острые, тупые, погнутые, каждый болт шанс, каждый шанс жизнь. Лайла — в дверях, скрестив руки на груди, её лицо бледное, но глаза — голубые, почти прозрачные — горят.

Глухарь стоял у стены, прижав ладонь к бетону, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз. Но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. Три угрозы пульсировали под землёй, на поверхности, в воздухе. Он не мог их описать словами. Он мог только чувствовать их сердцем, костями, каждой клеткой своего тела.

— Три угрозы, — сказал Архивариус, не оборачиваясь. Его голос был сухим, безэмоциональным, как диктор, зачитывающий сводку погоды. — Первая — «Чистильщики». Подкоп под северо-западной стеной. Осталось два метра. Взрывчатка заложена, фитили соединены, активность нулевая. Они замерли. Ждут. Чего — не знаю. Может быть, приказа. Может быть, того, что стены рухнут сами. Может быть, нашего страха.

Он ткнул пальцем в карту, где красная линия подкопа упиралась в зелёный прямоугольник форта. Линия пульсировала, как сердцебиение, как напоминание о том, что время на исходе.

— «Чистильщики» — это не клан, — продолжал Архивариус. — Это наёмники. Элитный отряд Мадам. Их командир — Уголь. Никто не знает его настоящего имени. Никто не видел его лица. Мои источники говорят, что его интеграция превышает семьдесят процентов. Он уже не чувствует боли. Не чувствует страха. Не чувствует ничего, кроме голода. Убейте его — и «Чистильщики» разбегутся. Но убить его сложно. Он не выходит на поверхность. Он прячется в туннелях, как крыса, как червь, как та тварь, которой он стал.

Он перевёл палец на север, где карта была испещрена красными значками — посты, патрули, цитадель.

— Вторая — «Железный кулак». Северный сектор. Сорок бойцов, средний уровень 10-16. Лидер — Барон, двадцатый уровень. Укреплённая цитадель, три линии обороны: внешняя стена, внутренний двор, центральная башня. Непосредственной угрозы нет — наблюдают. Но если мы ослабеем, они ударят. Барон не глуп. Он ждёт, когда мы истечём кровью в бою с «Чистильщиками» или «Ткачами». Тогда он придёт и заберёт всё. Осколки. Ресурсы. Людей.

— Третья, — Архивариус перешёл к третьей карте — серой, с пульсирующими белыми точками, обозначающими беженцев. — Вера. Беженцы. Двадцать два человека, которые ещё вчера были «Ткачами». Они не вооружены, не агрессивны. Но их вера в Пророка не умерла — она перекинулась на Алекса. Потому что они видели, как он убил Пророка. Потому что они чувствуют в нём ту же энергию. Потому что им нужно во что-то верить, иначе они умрут от отчаяния.

Он повернулся к Алексу.

— Если мы не изолируем их или не переубедим, они начнут заражать наших людей. Страх — это вирус. Вера — тоже. Лечится только одним — либо правдой, либо смертью источника.

— Ты предлагаешь убить их? — спросила Лайла. Её голос дрогнул, и она сама удивилась этому. Она думала, что уже привыкла к смерти. Привыкнуть нельзя.

— Я предлагаю анализировать, — ответил Архивариус, поворачиваясь к ней. Его лицо было бледным, но глаза — серыми, усталыми — горели. — Убивать — крайний случай. Сначала — понять. Что ими движет. Чего они боятся. Что они готовы сделать, чтобы выжить.

— Понять что? — спросил Кремень. — Что они верят в бога, которого мы убили? Что они готовы умереть за него, даже мёртвого?

— Понять, как использовать их веру, — ответил Валет из темноты. Он шагнул в свет, и его лицо — бледное, с острыми скулами и глубоко посаженными глазами — стало видно. — Как оружие. Против «Чистильщиков». Против «Железного кулака». Против Мадам. Вера — это ресурс. Как еда, вода, патроны. Если мы не используем его — он использует нас. Они начнут шептать нашим людям, что Алекс — бог. Наши люди поверят. А если поверят — перестанут думать. А если перестанут думать — умрут.

— Ты предлагаешь мне стать Пророком? — спросил Алекс, глядя на Валета. В его голосе не было гнева — только усталость. Усталость от постоянного выбора, от постоянной борьбы, от того, что каждый день приходится решать, кто жив, кто мёртв, кто верит, кто предаёт.

— Я предлагаю тебе притвориться, — ответил Валет, выходя из тени полностью. — Притвориться, что ты слышишь голос. Притвориться, что ты ведёшь их. Притвориться, что ты — бог. Потому что если они поверят, что ты бог, они умрут за тебя. А если умрут за тебя — мы выживем.

— Ты предлагаешь ложь, — сказал Алекс.

— Я предлагаю стратегию, — ответил Валет. — Ложь — это инструмент. Как нож. Как арбалет. Как твой «Рассекатель». Она не имеет морального веса. Есть только цель и средства. Ты выбираешь средства. Я выбираю цель.

— А если они узнают, что я лгу? — спросил Алекс. — Что тогда?

— Тогда они убьют тебя, — ответил Валет без колебаний. — Не сразу. Медленно. Как учили их «Ткачи». Или как учил их Пророк. Разницы нет. Результат один — смерть.

Алекс молчал. Он смотрел на Валета, на его бледное лицо, на его глаза, в которых не было ничего, кроме холодного, выверенного расчёта. Он знал, что Валет прав. Но внутри, где-то глубоко, голос Пророка шептал: «Он прав. Притворись. Стань мной. Это легче, чем бороться. Это легче, чем умирать. Ты уже носишь меня в себе. Остался один шаг. Всего один.»

— Нет, — сказал Алекс вслух. — Я не буду притворяться. Я не буду богом. Я буду человеком, который решает. Сначала — анализ. Потом — решение. Без лжи. Без притворства. Без веры.

Он подошёл к карте, развешанной на стене, провёл пальцем по трём угрозам. Палец был бледным, с тонкими белыми шрамами — память о первых днях в Воронке, когда он ещё не умел держать нож и резался о собственное лезвие.

— Архивариус, сводка по каждой. Сильные стороны, слабые, наши шансы. В цифрах. Без эмоций.

Архивариус кивнул и начал говорить.

Часть вторая. Слабость и сила

4.

— «Чистильщики», — начал Архивариус, выведя на экран схему подкопа. Схема была детальной — Архивариус рисовал её всю ночь, не смыкая глаз, сверяясь с показаниями Глухаря и старыми картами Хана. — Сильные стороны: скрытность, ультразвуковое оружие, взрывчатка, опыт работы в туннелях. Они как крысы — чувствуют себя в темноте лучше, чем на свету. Слабые стороны: малая численность — не больше пятнадцати человек. Их взрывчатка нестабильна — при попадании воды или сильном ударе может сдетонировать преждевременно. Они используют длинные фитили — минута горения. Если перерезать фитиль или залить его водой — взрыв не произойдёт.

Он помолчал, перевёл дух. Его голос сел — он говорил слишком долго, слишком много, но не мог остановиться.

— Они замерли, потому что боятся, — продолжил Архивариус. — Чего? Тебя. Твоей чёрной руки. Твоего «Рассекателя». Слухи о том, что ты убил Пророка, распространились быстрее, чем чума. «Чистильщики» — не фанатики. Они наёмники. Они не хотят умирать за идею. Они хотят получить осколки и уйти. Если мы покажем им, что смерть неизбежна, они отступят. Или сдадутся. Или умрут.

— «Железный кулак», — он переключил карту, и на экране появилась цитадель Барона — массивное, угловатое здание из бетона и стали, с башнями, бойницами и пулемётными гнёздами. — Сильные стороны: численность — сорок бойцов, дисциплина, броня, тяжёлое оружие, укрепления. Они не просто клан — они армия. Маленькая, но армия. Слабые стороны: медлительность, зависимость от логистики, недовольство лейтенанта. Я перехватил сообщения. Лейтенант — Коготь, уровень 14, ранг Гладиатор. Он недоволен дележом добычи. Барон платит ему меньше, чем он заслуживает, и держит в чёрном теле. Коготь ждёт случая. Он может предать.

— Вера, — Архивариус перешёл к третьей карте — серой, с пульсирующими белыми точками, обозначающими беженцев. На каждой точке были нанесены данные — уровень, возраст, состояние здоровья, психологический профиль. Архивариус собирал их всю ночь, наблюдая за беженцами через камеры. — Сильные стороны: фанатизм, отсутствие страха смерти, способность заражать страхом, численность. Они готовы умереть за того, в кого верят. Это

делает их опасными. Очень опасными. Слабые стороны: отсутствие лидера, нестабильность, зависимость от чуда. Если мы покажем им, что чуда нет — они рассыплются. Или озвереют. Или умрут. Третьего не дано.

— Что ты предлагаешь? — спросил Шрам.

Архивариус посмотрел на Алекса. В его глазах — серых, усталых, с красными прожилками — была не только информация, но и что-то другое. Надежда? Страх? Усталость?

— Я предлагаю не выбирать, — сказал он. — «Чистильщики» — самая непосредственная угроза. Если они взорвут стену, мы умрём сегодня. Их надо уничтожить первыми. «Железный кулак» — самая сильная угроза. Если Барон решит, что мы ослабли, он нападёт. С ним надо договариваться. Беженцы — самая коварная угроза. Их надо изолировать или переубедить.

— А если мы ударим по «Чистильщикам» сейчас, пока они замерли? — спросил Клык, поднимая голову. Он держал в руке погнутый болт, рассматривая его на свет. Болт был непригоден для стрельбы, но Клык не выбросил его — всё могло пригодиться.

— Шанс на успех — шестьдесят пять процентов, — ответил Архивариус. — Потери — ноль-два человека. Время — три часа. Если всё пойдёт по плану, мы уничтожим взрывчатку, убьём нескольких «Чистильщиков», остальные разбегутся.

— А если ударим по «Железному кулаку»?

— Двадцать процентов. Потери — пять-десять. Время — день. Мы не готовы к войне с армией. У нас нет ни численности, ни огневой мощи, ни укреплений, чтобы выдержать осаду.

— А если проигнорируем беженцев?

— Сорок процентов, что они не устроят бунт, — Архивариус покачал головой. — Риск мятежа — тридцать процентов. И он растёт с каждым днём, с каждым часом, с каждым шёпотом.

Алекс слушал. Он смотрел на карты, на цифры, на лица своих людей. Он думал о Куполе, который учил его: «Выбирай не то, что легче. Выбирай то, что правильнее». Но что было правильнее — убить «Чистильщиков» сейчас, пока они не взорвали стену, или попытаться договориться с Бароном, пока он не решил, что «Нулевые» — лёгкая добыча, или изолировать беженцев, пока их вера не превратилась в бунт?

Интерфейс выдал:

[Тактическая рекомендация: атаковать «Чистильщиков» первыми. Приоритет — устранение угрозы подкопа. Основание: непосредственная опасность, высокий шанс успеха, низкие потери.]

Алекс не спешил соглашаться. Он знал, что интерфейс видит только цифры. Не видит лиц. Не слышит голосов. Не чувствует страха.

— Нужно больше информации, — сказал он. — О «Чистильщиках». Об их взрывчатке. О слабых местах. О лейтенанте «Железного кулака». О беженцах — о том, что они знают о Пророке, о его слабостях, о том, как их вера может стать нашим оружием.

— У нас есть пленные, — напомнил Кремень. — Макар, Шило, Гвоздь, Шрам-тёзка. Они служили у «Корректоров». Они могут знать о «Чистильщиках». А беженцы — у нас есть Вера и старик. Они жили в лагере. Они видели, как Пророк умирал. Они могут рассказать, чего он боялся.

— Тогда допрос, — сказал Алекс. — Сначала пленные. Потом беженцы. Потом — решение.

5.

Алекс спустился в подвал, где содержались пленные «Ржавые» — те, кто сдался после гибели Сотника. Их было четверо: Макар, Шило, Гвоздь и Шрам-тёзка (не путать с Шрамом). Они сидели в разных камерах — маленьких, сырых, с бетонными стенами и ржавыми дверями, — но всех их объединяло одно: они хотели жить. Не верить. Не молиться. Просто жить.

Алекс велел вывести их по очереди в пустую комнату, где не было ничего, кроме стола, двух стульев и аварийной лампы под потолком. Лампа мигала — то загоралась, то гасла, создавая причудливую игру света и тени. Тени плясали на стенах, как призраки, как демоны, как смотрящие.

Первым привели Макара. Старый учёный, седой, с глубокими морщинами и усталыми, выцветшими глазами, опирался на палку — самодельный посох из арматуры, обмотанный тряпками. Его лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Он сел на стул, положил руки на стол, и его пальцы — тонкие, с длинными, пожелтевшими ногтями — подрагивали. Не от страха — от возраста. От той дрожи, которая приходит с годами, когда тело уже не слушается, а разум ещё ясен.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил Алекс, садясь напротив.

— Знаю, — ответил Макар. Его голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил и не говорил, но говорил он твёрдо, без дрожи. — Ты хочешь знать, как убить «Чистильщиков». Или как договориться с Бароном. Или как не сойти с ума от голосов в голове. Я могу помочь со всеми тремя вопросами. Но не бесплатно.

— Что ты хочешь? — Алекс сжал «Рассекатель» на коленях. Клинок был холодным, но в его руке он быстро нагрелся, красные прожилки засветились ярче, чувствуя напряжение. Клинок был живым. Как осколок. Как он сам.

— Свободу, — ответил Макар. — Не сейчас. После. Когда вы выйдете на поверхность. Я хочу увидеть солнце. Один раз. Перед смертью. Не в бункере. Не под землёй. Настоящее солнце. Я десять лет его не видел. Десять лет смотрел только на бетон, на сталь, на темноту. Я хочу увидеть свет.

— Договорились, — ответил Алекс. — Говори.

Макар помолчал. Потом заговорил — медленно, с паузами, как будто собирал слова по кусочкам из старой, рассыпающейся памяти, как будто каждое слово давалось ему с трудом, потому что он отвык говорить, потому что годы одиночества научили его молчать.

— «Чистильщики» — это не клан. Это наёмники. Они работают на Мадам. Их командир — Уголь. Никто не знает его настоящего имени. Никто не видел его лица. Он всегда в плаще, всегда в тени. Говорят, он был учёным. Говорят, он был палачом. Говорят, он был тем, кто создал этот интерфейс. Я не знаю, что правда, а что ложь. Но я знаю, чего они боятся.

Макар посмотрел на Алекса долгим, тяжёлым взглядом. В его выцветших глазах мелькнуло что-то, похожее на страх, — не перед Алексам, перед тем, о чём он говорил.

— Они боятся того, чего не понимают, — продолжил он. — Ультразвуковое оружие делает их неуязвимыми в туннелях. Но если вы зальёте взрывчатку водой из коллектора, она не сработает. Если вы перережете фитили — они не смогут её поджечь. Если вы создадите помеху — громкий звук, взрыв, крик, — их ультразвук собьётся. Они ослепнут. На секунду. На две. Этого достаточно, чтобы убить.

— Откуда ты знаешь?

— Я был учёным, — ответил Макар. — Я работал над ультразвуком. До Вспышки. До того, как всё пошло прахом. Я знаю, как ломаются частоты. И я знаю, что Уголь — не человек. Он — носитель. Как ты. Как Хан. Как Пророк. Его интеграция — больше семидесяти процентов. Он уже не чувствует боли. Не чувствует страха. Не чувствует ничего. Только цель.

Макар замолчал, перевёл дух. Его пальцы перестали подрагивать — он успокоился, потому что говорил о том, что знал лучше всего.

— Убей его — и «Чистильщики» разбегутся, — закончил он. — Без командира они — стадо. Стадо без пастуха. Они не будут рисковать жизнями за осколки. Они уйдут. Или сдадутся. Или умрут.

Алекс сжал «Рассекатель». Клинок пульсировал красным — оружие чувствовало приближение нового врага, нового боя, новой смерти.

— А Барон? — спросил он. — Его слабость?

— Лейтенант, — ответил Макар. — Его зовут Коготь. Уровень 14. Ранг Гладиатор. Он недоволен долей. Барон платит ему меньше, чем он заслуживает. Держит в чёрном теле. Не доверяет. Коготь ждёт случая. Если вы предложите ему больше — он предаст. Но не сразу. Сначала он проверит, насколько вы сильны. Если вы покажете слабость — он убьёт вас и сам займёт место Барона. Если покажете силу — он будет торговаться.

— А беженцы? Их вера?

Макар усмехнулся — сухо, безрадостно, одними уголками губ. Усмешка была как трещина на бетонной стене, как шрам на лице, как осколок, пульсирующий в груди.

— Вера — это страх, переодетый в надежду, — сказал он. — Пророк дал им надежду. Ты убил надежду. Теперь они боятся. Если ты дашь им новую надежду — не бога, не чудо, а просто выживание, — они успокоятся. Дай им работу. Дай им цель. Дай им то, за что можно держаться. Но если ты покажешь слабость — они придут к тебе с ножами. Не потому, что ненавидят. Потому что боятся. Боятся, что ты бросишь их. Боятся, что умрут. Боятся, что их вера была напрасной.

Алекс кивнул. Он встал, протянул руку — левую, здоровую. Макар пожал. Рука старика была холодной, тонкой, с длинными, бледными пальцами, которые подрагивали.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Не благодари, — ответил Макар. — Выживешь — расквитаешься.

6.

Вторым привели Шило. Он был бледным, бледнее обычного, его руки дрожали — крупная, неконтролируемая дрожь, которую он не мог остановить, несмотря на все усилия. Казалось, он вот-вот рассыплется, как старая, пересохшая глина, как бетонная стена, которая держится только на честном слове. Но он смотрел на Алекса с надеждой — не той, слепой, которой кормил Пророк, а той, настоящей, которая рождается от безысходности, когда выбора нет, когда остаётся только верить в того, кто держит нож.

— Шило, — сказал Алекс. — Ты служил у «Корректоров». Ты знаешь технику. Расскажи о взрывчатке «Чистильщиков».

Шило сглотнул. Его кадык дёрнулся, и он провёл языком по пересохшим губам.

— Их взрывчатка нестабильна, — сказал он. Голос его дрожал, но слова были твёрдыми — он повторял их про себя много раз, готовясь к этому допросу, потому что знал, что его спросят, и хотел ответить правильно, чтобы выжить. — Они используют порох, смешанный с селитрой и какой-то дрянью, которую находят в старых шахтах. Если залить её водой — она не сработает. Если ударить по ней чем-то тяжёлым — она может взорваться в руках. Но есть ещё одна слабость. Фитили. Они длинные. «Чистильщики» используют шнуры, которые горят минуту. Может быть, две. Если перерезать шнур — взрывчатка не сработает. Если залить водой — тоже. Если выдернуть запал — она не взорвётся.

— Откуда ты знаешь? — спросил Алекс, хотя уже догадывался.

— Я видел, как они закладывают взрывчатку в коллекторе, — ответил Шило. Его голос стал тише, почти шёпотом, как будто он боялся, что его услышат те, кого он предал. — Я был с ними. Я помогал им. Потом сбежал. Потому что они хотели убить меня. Потому что я знал слишком много. Потому что я стал им не нужен.

— Если мы уничтожим взрывчатку, «Чистильщики» отступят? — спросил Алекс.

— Нет, — Шило покачал головой, и его лицо стало ещё бледнее. — Они вернутся. С новой взрывчаткой. С новыми людьми. Уголь не отступит. Он будет копать, пока не доберётся

до вас. Пока не взорвёт стены. Пока не убьёт всех. Единственный способ — убить его. Или заставить его поверить, что вы сильнее.

— Как заставить поверить?

Шило посмотрел на Алекса долгим взглядом. В его глазах — серых, мутных, с красными прожилками — мелькнуло что-то, похожее на решимость.

— Покажите ему, что вы не боитесь, — сказал он. — Выйдите к нему. Один на один. С чёрной рукой и «Рассекателем». Если он увидит, что вы не боитесь смерти, он испугается. Потому что он боится только одного — того, кто сильнее. Того, кто готов умереть.

Алекс кивнул. Он встал, пожал руку Шило — холодную, влажную от пота — и приказал накормить его и увести обратно в камеру.

7.

Третьим привели Гвоздя. Он был коренастым, молчаливым, с лицом, изрезанным старыми шрамами и ожогами. Он не смотрел на Алекса — смотрел в пол, в одну точку, и его челюсти были сжаты так сильно, что желваки ходили ходуном. Он не просил пощады. Не молил о свободе. Просто ждал.

— Гвоздь, — сказал Алекс. — Ты работал на Сотника. Ты знаешь его связи. Что ты знаешь о «Чистильщиках»?

Гвоздь поднял голову. Его глаза — карие, почти чёрные — смотрели на Алекса без страха. Без надежды. Без ничего. Только пустота.

— Они — псы Мадам, — сказал он. Голос его был низким, рычащим, как у зверя, которого загнали в угол. — Их не интересуют осколки. Их интересует власть. Уголь хочет стать новым Ханом. Он копит силы. Он ждёт, когда вы ослабнете. Тогда он ударит. И не только подкопом. У него есть люди на поверхности. В нейтральном секторе. На Блошином рынке. Он следит за вами. Он знает всё.

— Откуда ты знаешь? — спросил Алекс.

— Сотник работал с ними, — ответил Гвоздь. — Я был его телохранителем. Я слышал разговоры. Уголь не доверяет даже своим. Он убивает тех, кто знает слишком много. Я знаю слишком много. Я мёртв. Просто ещё не понял этого.

Алекс помолчал. Потом спросил:

— Если мы убьём Угля, «Чистильщики» разбегутся?

— Да, — ответил Гвоздь. — Они не станут мстить. Они найдут нового хозяина. Или разбегутся. Или умрут. Им всё равно. Они — наёмники. Им платят. Если платить некому — они уходят.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Не за что, — ответил Гвоздь. Он встал, развернулся и пошёл к двери, не оглядываясь.

8.

Четвёртым привели Шрама-тёзку. Он был маленьким, коренастым, с бычьей шеей и тяжёлой челюстью. Его лицо было бледным, но глаза — серыми, живыми — смотрели на Алекса с любопытством. Он не боялся. Он не верил. Он просто смотрел.

— Ты знаешь что-то, что может нам помочь? — спросил Алекс.

— Нет, — ответил Шрам-тёзка. — Я был простым бойцом. Я выполнял приказы. Я не знаю планов. Не знаю слабых мест. Не знаю ничего, что могло бы тебе пригодиться. Я только умею драться. И умирать.

— Тогда зачем ты здесь? — спросил Алекс.

— Потому что ты меня позвал, — ответил Шрам-тёзка. — Я пришёл. Я не знаю, что ты хочешь услышать. Но я скажу правду. Я не предам. Не потому, что я верен. Потому что мне некуда идти. Я остаюсь с вами. Буду драться. Буду работать. Буду делать то, что скажут. Это всё, что я могу.

Алекс посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо. Иди. Работай.

Шрам-тёзка встал, кивнул и вышел.

9.

После допроса пленных Алекс вышел во двор. Беженцы сидели в тени стены, прижавшись друг к другу для тепла, и их лица были бледными, но глаза — белыми, пустыми — смотрели на него с надеждой, смешанной со страхом. Они не знали, что с ними сделают. Они боялись, что их вышвырнут за ворота. Боялись, что их убьют. Боялись, что их оставят умирать.

Старик — тот, что привёл их к воротам, — поднялся, опираясь на палку, и подошёл к Алексу. Он шёл медленно, с трудом, каждое движение давалось ему с болью, но он не останавливался.

— Ты хочешь поговорить с нами, — сказал он. Это был не вопрос — утверждение.

— Хочу, — ответил Алекс. — Садитесь. Все, кто может слышать.

Беженцы зашевелились, задвигались, зашептались. Кто-то подполз ближе, кто-то, наоборот, отодвинулся, боясь наказания. Старик сел на камень, положил палку на колени, и его белые глаза — пустые, мутные — смотрели на Алекса без страха. Без надежды. Без ничего. Только пустота и слабая, едва уловимая пульсация чёрной метки на лбу.

— Вы верите, что я — новый Пророк, — сказал Алекс, стоя перед ними. Он не кричал. Он говорил тихо, но его голос разносился по двору, и все слышали. — Я не буду вас переубеждать. Вера — это не то, что можно убить словами. Но я скажу вам правду. Я не слышу голос бога. Я слышу только голос мёртвого Пророка, который хочет, чтобы я стал им. Я не стану. Я останусь собой. Человеком, который убивает, чтобы защищать. Человеком, который не умеет молиться, но умеет держать нож. Человеком, который устал. Который боится. Который сомневается.

Он замолчал. Ветер завывал в стенах, где-то далеко капала вода, и беженцы смотрели на него — кто с надеждой, кто со страхом, кто с ненавистью.

— Этого достаточно, — сказал старик. Его голос дрогнул — впервые за этот разговор, — но он быстро взял себя в руки. — Мы не хотим бога. Мы хотим того, кто не бросит нас. Пророк бросил. Он умер. Ты жив.

— Я жив, — согласился Алекс. — Но я не бог. Я могу умереть. Сегодня. Завтра. Через неделю. Если я умру, вы останетесь одни. Что вы будете делать?

Старик посмотрел на беженцев. Женщины, мужчины, дети — все смотрели на Алекса. Кто с надеждой, кто со страхом, кто с ненавистью.

— Мы будем жить, — сказал старик. — Как ты учил. Работать. Строить. Драться. Не верить в чудеса — верить в себя. Это трудно. Мы никогда не пробовали. Но мы попробуем.

— Работа, — повторил Алекс. — Не вера. Работа. Вы умеете работать?

— Мы умели, — ответил старик. — До Пророка. До того, как он забрал наши руки и дал нам молитвы. Мы были строителями. Охотниками. Поварами. Мы можем снова.

— Тогда работайте, — сказал Алекс. — Лайла даст вам инструменты. Кремень покажет, где копать. Шрам — где стоять. Если вы предадите — Валет убьёт вас. Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели. Я не хочу, чтобы вы умерли. Но если вы заставите меня выбирать между вами и моими людьми — я выберу своих. Всегда.

Старик кивнул. Его лицо было бледным, но в глазах — белых, пустых — мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не благодари, — ответил Алекс. — Выживешь — расквитаешься.

Часть третья. Дорога под землёй

10.

— План «Крот», — сказал Алекс, когда капитаны снова собрались в командном центре. — Архивариус, карту.

Архивариус вывел на экран схему подкопа. Красная линия уходила под северо-западную стену, упиралась в зелёный прямоугольник форта. Два метра осталось. Два метра земли, бетона и арматуры, за которыми прятались «Чистильщики» с взрывчаткой.

— «Чистильщики» заложили взрывчатку в конце туннеля, — сказал Архивариус, показывая на красный кружок. — Три ящика. Порох, селитра, фитили. Фитили соединены в один шнур, который уходит вглубь туннеля, к их укрытию. Если они подожгут шнур — у нас будет минута. Может быть, две.

— Валет и Глухарь спускаются в туннель через обходной дренаж, — Алекс показал на пунктирную линию, которую Архивариус нанёс на карту. — Архивариус нашёл старый технический лаз, который ведёт прямо к месту закладки. Их задача — залить взрывчатку водой из коллектора. Обезвредить. Если получится — отступают. Если нет — взрывают вместе с собой. Но мы надеемся, что получится.

Валет кивнул. Коротко, сухо.

— Я, Клык и Косой идём следом, — продолжил Алекс. — Прикрываем, если «Чистильщики» проснутся. Не даём им поднять тревогу. Без шума. Без криков. Без геройства. Работаем тихо, как тени. Как Валет.

— А если они уже проснулись? — спросил Косой. Его лицо было бледным, но голос не дрожал. Он сжимал нож, и его пальцы были белыми от напряжения, но он не отводил взгляда. Он ждал ответа. Он был готов.

— Тогда ты убьёшь их, — ответил Алекс. — Так, как я учил. Удар снизу вверх, в шею. Быстро. В то место, где кожа тонкая. Не закрывай глаза. Если закрываешь — не видишь, куда бьёшь. А если не видишь — не попадаешь.

Косой кивнул.

— Шрам, Кремень, Лена и Волна, — Алекс повернулся к ним. — Вы готовите оборону форта. Если план провалится и начнётся штурм — вы встречаете «Чистильщиков» у стен. Не даёте им прорваться. Держитесь, пока мы не вернёмся.

— А если они прорвутся? — спросил Кремень.

— Тогда вы умираете, — ответил Алекс. — Но умираете не как крысы в норе. Как воины. С оружием в руках. С именами на устах. Как «Нулевые».

Кремень молчал. Потом кивнул.

— Архивариус — связь, — Алекс повернулся к старику. — Если что-то пойдёт не так — предупреди. Лайла — аптечки. Готовь на четверых.

— Надеюсь, не понадобятся, — ответила Лайла.

— Я тоже.

Алекс посмотрел на интерфейс. Пульсировала зелёная строка:

[План «Крот»: шанс на успех — 70%. Подготовка — 2 часа. Участники: Валет, Глухарь, Алекс, Клык, Косой.]

— Два часа, — сказал он. — Через два часа спускаемся.

11.

Лайла перевязывала его правую руку в медотсеке, когда остальные готовились к выходу. Её пальцы — тонкие, холодные, с обломанными ногтями — двигались быстро, профессионально, без лишних движений. Она смотала старые бинты, пропитанные чёрной жидкостью, бросила их в ведро, достала новые. Когти Алекса торчали из пальцев, как иглы, как клыки, как осколки Нулевого объекта. Она обматывала их осторожно, почти нежно, боясь пораниться, но не отводя взгляда.

— Если ты не вернёшься, — сказала она, не поднимая головы, — я не смогу… — Она замолчала, закусила губу.

— Вернусь, — ответил Алекс. — Мне нужно будет есть твою похлёбку и слушать, как ты ругаешь меня за когти.

Она усмехнулась — слабо, устало, но искренне. Впервые за много дней.

— Ты глупый, — сказала она. — Идиот. Герой, который не боится умереть.

— Боюсь, — ответил Алекс. — Но не показываю. Это моя работа.

Она затянула бинты, туго, почти до хруста костей. Когти царапали ткань, но не прорывали её. Пока.

— Не снимай два дня, — сказала она. — Если снимешь — я привяжу тебя к койке.

— Ты жестока.

— Я забочусь. Это разные вещи.

Она встала, взяла медицинский модуль, проверила ампулы, бинты, шприцы.

— Я приготовила для каждого, — сказала она, показывая на аптечки. — Антидот — на случай укуса. Кровоостанавливающее — если откроется рана. Обезболивающее — если придётся терпеть.

Алекс взял аптечку, убрал в рюкзак.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответила Лайла. — Выживешь — расквитаешься.

12.

Косой ждал у входа в коллектор. Он стоял, сжимая нож, и его лицо было бледным, но глаза — серыми, молодыми, но уже старыми — смотрели на Алекса с решимостью. Его руки не дрожали. Алекс заметил это и кивнул.

— Ты готов? — спросил он.

— Готов, — ответил Косой. — Я не буду кричать. Не буду замирать. Я убью, если нужно.

— Хорошо, — сказал Алекс. — Держись рядом со мной. И не геройствуй. Герои умирают первыми.

Они спустились в коллектор.

Глухарь шёл первым, прижав ладонь к стене. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. Вода доходила до щиколоток, чёрная, ледяная, пахнущая серой и металлом. Она обжигала кожу, заставляла мышцы сводить судорогой. Алекс чувствовал, как ноги немеют, но не обращал внимания. Боль была его старым другом.

Валет исчез впереди — бесшумный, почти невидимый, растворившийся в темноте. Его «Когти Ворона» пульсировали тускло — артефакт был сыт, но ненадолго. Часов через двенадцать ему снова потребуется кровь.

Они шли сорок минут, петляя по узким, сырым тоннелям, которые вели к месту закладки. Глухарь останавливался каждые несколько метров, закрывал глаза, слушал, потом показывал жест — «чисто», — и они двигались дальше. Воздух становился спёртым, тяжёлым, с запахом пороха и пота. «Чистильщики» были близко.

Валет подал сигнал — два коротких, один длинный. «Впереди цель. Охранники. Двое. Спят».

Алекс подполз к повороту, выглянул.

В небольшом расширении туннеля, при свете тусклой аварийной лампы, лежали три ящика с взрывчаткой. Деревянные, грубо сколоченные, с чёрными метками на крышках — символ «Чистильщиков». Порох, селитра, фитили. Всё было готово к подрыву. Рядом, у стен, спали двое «Чистильщиков» — их лица были скрыты масками, но дыхание было ровным, спокойным. Они не ждали гостей. Они были уверены, что их никто не найдёт.

Валет посмотрел на Алекса. Алекс кивнул.

13.

Валет убил охранников без звука. «Когти Ворона» вошли в шеи — быстро, чисто, без брызг крови. Алекс отвернулся. Он не любил смотреть на убийство спящих, но понимал: иначе нельзя. Или они — или «Нулевые».

— Взрывчатка, — прошептал Валет, вытирая когти о куртку мёртвого охранника. — Три ящика. Фитили соединены. Если перерезать — не сработает. Если залить водой — тоже.

— Лейте, — сказал Алекс. — Косой, вода.

Косой открыл фляги. Вода полилась на порох — чёрная, холодная, пахнущая серой. Она шипела, вступая в реакцию с химикатами, пузырилась, испарялась, оставляя на дереве чёрные, оплавленные пятна. Фитили гасли один за другим.

Вдруг один из «Чистильщиков» — не охранник, а минер, который спал за ящиками, — проснулся. Он увидел Косого, увидел воду, льющуюся на взрывчатку, и открыл рот.

Клык не промахнулся. Болт арбалета вошёл в горло — чётко, в то место, где кожа была тонкой, почти прозрачной. Крик оборвался, не родившись. Минер упал на бок, забился в агонии, затих. Кровь текла из раны, смешиваясь с водой и порохом, образуя чёрную, шипящую жижу.

Шум разбудил остальных. Из бокового туннеля выбежали трое — с ножами, короткими мечами, их глаза горели яростью. Они не кричали — они знали, что крик привлечёт остальных, — но их дыхание было тяжёлым, прерывистым, как у загнанных зверей.

Алекс активировал «Рывок».

Время замедлилось. Он видел каждое движение врагов — как напряглись мышцы, как открылись рты, как блеснули лезвия. Видел, как кровь течёт по венам — медленно, густо, как смола. Видел, как сердцебиение замедляется — одно, два, три удара в секунду.

Первый умер от удара «Рассекателя» в шею. Клинок вошёл в плоть, как в масло, — глубоко, до самой рукояти. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая железом и серой. Враг упал, даже не взвизгнув.

Второй — от «Когтей Ворона» Валета. Валет двигался как вихрь — бесшумный, быстрый, смертоносный. «Когти» вошли в сердце, пробив рёбра, как бумагу.

Третий бросился на Косого.

Косой не замер. Он вспомнил слова Алекса: «Удар снизу вверх, в шею, в то место, где кожа тонкая». Он сделал шаг вперёд, ушёл в сторону, пропуская врага, и вонзил нож под челюсть. Нож вошёл глубоко — до самой рукояти. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая железом. Враг захрипел, упал на колени, потом на бок, забился в агонии, затих.

Косой стоял над трупом, тяжело дыша, и его руки дрожали — не от страха, от адреналина. Он смотрел на свои руки, чёрные от крови, и не верил, что сделал это.

— Молодец, — сказал Алекс, вытирая «Рассекатель» о штаны. — Не замер. Не закрыл глаза. Не побежал. Теперь помогай заливать взрывчатку.

Вся взрывчатка была обезврежена за десять минут. Интерфейс выдал:

[Угроза подкопа — ликвидирована. «Чистильщики»: потери — 5 человек (2 охранника, 1 минер, 2 бойца). Остальные разбежались. Шанс на успех плана «Крот» — 100%.]

— Отходим, — сказал Алекс. — Быстро. Пока они не опомнились.

Они вернулись в форт через час.

Часть четвёртая. Новая цель

14.

Ворота открылись. Шрам стоял на стене, сжимая тесак, и его лицо было бледным, но улыбался он — впервые за много дней, с тех пор как «Чистильщики» начали копать под стенами. Алекс подошёл, тяжело дыша, и доложил:

— Взрывчатка уничтожена. «Чистильщики» бежали. Мы выиграли день.

— Только день? — спросил Шрам, спускаясь со стены.

— Только день, — ответил Алекс. — Уголь не отступит. Он вернётся. С новыми людьми. С новой взрывчаткой. Но сегодня — мы выиграли. Сегодня — мы живы.

Лайла осмотрела Косого — царапина на плече, неопасно. Она обработала рану антисептиком, наложила пластырь и сказала:

— Ты вырос. Раньше ты дрожал, когда видел кровь. Теперь ты сам её проливаешь. И не дрожишь.

Косой посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Он сжал их в кулаки, разжал, снова сжал. Пальцы слушались. Кровь запеклась под ногтями, чёрная, почти незаметная на бледной коже.

— Я больше не хочу дрожать, — сказал он. — Я хочу быть полезным.

— Будь, — ответила Лайла. — Завтра. А сегодня — отдыхай. Ты заслужил.

15.

Вернувшись в командный центр, Алекс собрал совет. Архивариус обновил карту:

[Контроль над сектором: 75% → 78%. Боеготовность: 85%. Ресурсы: еда — на 3 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — на 1 бой.]

— «Чистильщики» бежали, — сказал Алекс, глядя на карту. — Но враг на севере остался. «Железный кулак» сильнее нас. Если мы не заключим союз, они уничтожат нас. — Он посмотрел на красные значки цитадели Барона, которые пульсировали, как сердцебиение. — Архивариус, что с лейтенантом?

— Лейтенант — Коготь, — ответил Архивариус. — Уровень 14, ранг Гладиатор. Недоволен дележом добычи. Я перехватил сообщения. Он готов предать за хорошую цену.

— Что он хочет?

— Осколки, — Архивариус пожал плечами. — Или должность. Или и то, и другое. Барон не даёт ему ни того, ни другого. Держит на коротком поводке. Коготь злится. Ждёт случая.

Алекс подумал. Потом сказал:

— Валет, ты идёшь на север. Внедришься в клан Барона как наёмник. Найдёшь Когтя. Предложишь сделку. Осколки — потом. Сначала — информация. Узнай, где слабые места цитадели. Где посты. Где лейтенант. Если Барон узнает — уходи. Не рискуй.

Валет кивнул. Коротко, сухо.

— А если Барон не захочет договариваться? — спросил Кремень.

— Тогда будем готовиться к войне, — ответил Алекс. — Архивариус, карту цитадели. Шрам, план обороны. Лайла — аптечки на десять раненых.

Лайла вздохнула, но не возразила.

16.

Ночью, когда форт затих, Алекс поднялся на стену. Глухарь стоял рядом, прижав ладонь к бетону, и его лицо было напряжённым — напряжённым, как у человека, который слышит то, чего не должны слышать люди. Он чувствовал новую вибрацию. С севера. Тяжёлые шаги. Много. Не сегодня — но скоро.

Он постучал по стене — один длинный, два коротких: «Враг приближается. Не сегодня. Скоро».

Алекс посмотрел на север. В серой мгле пустоши никого не было. Только ветер, только пепел, только бесконечная серая тоска. Но он знал: Барон не будет ждать. «Чистильщики» бежали, но «Железный кулак» оставался. И он был сильнее.

[Новая угроза: «Железный кулак» — активность повышена. Ожидаемое время до контакта: 3-5 дней.]

Алекс сжал в левой руке камень девочки — гладкий, тёплый, с едва заметными царапинами — и зуб Пса — холодный, острый, с зазубринами, которые царапали кожу. Два амулета, которые не спасали от пуль, не отражали когти, не лечили раны. Но они напоминали ему, зачем он здесь. Зачем он дерётся. Зачем он умирает. Или не умирает.

— Три дня, — прошептал он. — Три дня, чтобы подготовиться. Или умереть.

Глухарь показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к груди, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак. «Я буду слушать. Я предупрежу. Я не подведу».

Алекс кивнул.

— Валет, не подведи.

Он остался на стене — ждать рассвета, ждать новостей, ждать войны.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

ИТОГ ГЛАВЫ 39

[Ключевые события:]
• Анализ трёх угроз («Чистильщики», «Железный кулак», вера беженцев).
• Допрос пленных (Макар, Шило, Гвоздь, Шрам-тёзка) — получены слабые места «Чистильщиков» и информация о лейтенанте Когте.
• Разговор со стариком-беженцем — Алекс отказывается от роли Пророка, даёт надежду через работу.
• Операция «Крот»: уничтожение взрывчатки в подкопе, 5 убитых «Чистильщиков», 0 потерь.
• Стратегическое решение: следующая цель — «Железный кулак» (дипломатия через предательство лейтенанта).
• Валет отправлен на север для внедрения.

[Развитие персонажей:]
• Косой преодолевает страх, убивает врага в ближнем бою, его руки перестают дрожать.
• Лайла и Алекс — момент надежды.
• Глухарь подтверждает угрозу с севера.

[Потери:]
• «Чистильщики»: 5 убитых, остальные разбежались.
• Отряд «Нулевых»: 0 потерь.

[Новые угрозы:]
• «Железный кулак» — активность повышена, ожидается контакт через 3-5 дней.
• Лейтенант Коготь (ур.14) — потенциальный предатель.

[Интеграция Алекса:]
• 61% → 62% (за стресс и использование «Тишины»).
• Психоэмоциональный след: 30% → 27%.

[Ресурсы:]
• Еда — на 3 дня, вода — на 1 день, боеприпасы — на 1 бой.

[Ближайшие задачи:]
• Внедрение Валета в клан «Железный кулак» (глава 40).
• Подготовка к обороне от «Железного кулака».
• Поиск новых источников воды и еды.

ГЛАВА 40. ВНЕДРЕНИЕ

Часть первая. Лицо под маской

Серый свет умирающего дня просачивался сквозь трещины в стенах командного центра, ложась на карту, разложенную на столе, как старая, запёкшаяся кровь. Алекс стоял, опираясь костяшками пальцев о шершавый край стола, и смотрел на северный сектор — туда, где Архивариус нанёс схематичное, но от того не менее опасное изображение цитадели «Железного кулака».

Карта была убогой. Не чета тем, что Хан хранил в своём планшете. Рваные края, пометки карандашом, стёртые и написанные заново, приблизительные расстояния. Архивариус рисовал её по памяти, по обрывкам информации от пленных, по слухам, которые приносили беженцы. Но даже этой убогой карты было достаточно, чтобы увидеть главное: «Железный кулак» был не просто кланом — он был крепостью. Армией. Машиной для убийств, которую Барон отладил годами крови и железной дисциплины.

Алекс перебирал в голове цифры, которые знал наизусть: сорок бойцов, средний уровень — от десяти до шестнадцати. Укрепления, о которых «Нулевые» могли только мечтать: двойной периметр, каменные стены, пулемётные гнёзда. И Барон — двадцатый уровень, человек, который не собирался умирать. Алекс никогда не видел его вблизи, но слухов хватало. Говорили, он мог убить одной левой, что его броня выдерживала попадание из арбалета, что он никогда не снимал шлем, потому что под ним — не лицо, а оскал смерти. Враньё, конечно. Но в каждом вранье была крупица правды.

Архивариус сидел за пультом, откинувшись на спинку стула. Его пальцы замерли на клавиатуре, но глаза — серые, усталые, с красными прожилками — продолжали сканировать схему, будто надеялись увидеть то, что упустили. Он не спал вторые сутки — чай в кружке давно остыл, а он всё пил его, не замечая вкуса. Под глазами залегли глубокие, тёмные тени, но старик не жаловался. Он делал свою работу.

— Коготь, — сказал Архивариус, не оборачиваясь. — Лейтенант. Уровень четырнадцать, ранг Гладиатор. Второй человек в клане после Барона. Командует штурмовым отрядом. Не любим, но боятся. Мои источники говорят, он умён. Осторожен. И зол.

— На что зол? — спросил Алекс, хотя догадывался.

— На долю, — Архивариус повернулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на мрачное удовлетворение. — Барон платит ему меньше, чем он заслуживает. Держит на коротком поводке, не доверяет настоящую власть. Коготь не из тех, кто терпит. Он ждёт. Надеется на случай. Или на дурака, который предложит ему больше.

Он помолчал, потом добавил тише, почти шёпотом:

— Или на нас.

Алекс отодвинулся от стола, прошёлся по тесному помещению. Командный центр когда-то был кладовкой, потом — кабинетом Хана, теперь — мозгом «Нулевых». Здесь пахло озоном,

старой электроникой и той особенной, горькой пылью, которая остаётся, когда слишком много думаешь и слишком мало живёшь. На стенах — карты, схемы, распечатки. На столе — планшет Хана, который Архивариус почти не выпускал из рук. В углу — старая, ржавая печка, которую они притащили из машинного зала, чтобы согреться в холода, но она давно не работала.

— У нас один шанс, — сказал Архивариус, вставая и подходя к карте. — Если Валета раскроют — он умрёт. И мы лишимся глаз на севере. Барон надавит, узнает, что мы его проверяем. Тогда война придёт раньше, чем мы готовы.

— Не раньше, чем мы готовы, — ответил Алекс, останавливаясь у окна. За бронированным стеклом была пустошь — серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом. Рассвет был ещё далеко — но он приближался. Алекс чувствовал это по тому, как земля дрожала под ногами — слабо, едва уловимо, но настойчиво. — Мы никогда не будем готовы. Не на сто процентов. Воронка не даёт гарантий. Только шансы.

Он провёл пальцем по стеклу, оставляя тонкую, блестящую полосу. Правая рука — чёрная, замотанная в бинты — висела плетью, и он чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как вены пульсируют в такт его сердцу. Интеграция росла — даже когда он не двигался, не сражался, не использовал навыки. Она росла, как опухоль, как корень, как чужая жизнь, которая прорастала сквозь его плоть.

— Валет справится, — сказал Алекс, возвращаясь к столу. Голос его был спокоен, но внутри, в том месте, где осколок пульсировал в такт чужому ритму, что-то сжалось. — Он делал это десятки раз.

— Не в цитадели с сорока бойцами, — жёстко ответил Архивариус. — Не против такого врага. Барон не глуп. Он пережил Хана, пережил Сотника, пережил Угля. Он не выживает — он процветает. Ты видел его цитадель? Это не куча обломков, не старый бункер. Это крепость. С фундаментом, с планом, с людьми, которые знают, за что умирают.

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь проступила на ткани. Он не обратил внимания. Боль была его старым другом.

— Поэтому мы посылаем туда не отряд, — сказал он. — Мы посылаем одного. Того, кого не видят, не слышат, не замечают. Того, кто станет тенью среди теней.

Шрам вошёл в командный центр бесшумно, только скрип повязки на боку выдал его присутствие. Он встал у стены, прислонившись плечом к косяку, и его единственный глаз — коричневый, усталый — прошёлся по карте. Он сжимал тесак, и его пальцы были белыми от напряжения.

— Я не хочу, чтобы он шёл, — сказал Шрам. Голос его был низким, ровным, но в нём слышалась сталь, выкованная годами войны. — Но мы не можем позволить себе слабость. Алекс прав — один шанс.

— Если раскроют, — Архивариус поднял голову, глядя на Шрама, — мы не сможем его спасти. Даже не узнаем, где искать тело.

— Он знает, — ответил Шрам. — И всё равно идёт.

Алекс сжал «Рассекатель» на поясе. Клинок был холодным, но под пальцами уже начинала пульсировать знакомая, живая теплота. Оружие чувствовало его напряжение, его страх, его готовность. Оно было живым — как осколок в его груди, как чёрная рука, как голос Пророка, который шептал где-то на границе сознания.

— Я дам ему полную свободу, — сказал Алекс. — Никаких условий, никаких приказов, кроме одного: вернуться. Пусть действует по обстоятельствам. Коготь — наша цель. Но если что-то пойдёт не так, Валет должен уйти. Не геройствовать.

Он снял с пояса маленький, стальной зуб — не тот, что подарил ему Купол, другой, поменьше, найденный в трофеях после боя с Вожаком. Зуб был острым, холодным, с едва заметными царапинами. Алекс сжал его в ладони, чувствуя, как металл впивается в кожу, потом протянул Архивариусу.

— Передай Валету. Пусть помнит, кто он.

Архивариус взял зуб, кивнул. Положил в маленький кожаный мешочек, который уже приготовил — с сухарями, полоской вяленого мяса, маленькой флягой. Мешочек был старым, потёртым, с завязками, которые когда-то были красными, а теперь стали серыми от времени и пыли.

— Это всё, что мы можем дать, — сказал он.

— Это всё, что ему нужно, — ответил Алекс.

Он подошёл к окну, посмотрел на пустошь. Ветер нёс пепел, смешивая его с серым небом. Где-то там, на севере, его ждал враг. А где-то между — его тень.

Часть вторая. Прощание без слов

Комната Валета была пустой, как и он сам.

Маленький закуток, бывшая кладовка за медотсеком, где едва помещались раскладная койка, сколоченный из ящиков столик и вешалка из арматуры. На столике — свеча, оплывшая, с длинным, почерневшим фитилём. На стенах — ничего. Ни карт, ни записей, ни лишних вещей. Валет не оставлял следов. Он был тенью и в жизни, и на войне.

Он сидел на краю койки, перебирая снаряжение. Чёрная одежда — старая, но чистая, без единого опознавательного знака. Нашивку «Нулевых» он срезал ещё вчера, лезвием ножа отделил каждый стежок, а потом долго смотрел на выцветшую единицу, вписанную в ноль, прежде чем бросить в печь. Вместо нашивки — грязный рукав, который мог принадлежать кому угодно. Пара потёртых штанов, заправленных в высокие, разношенные ботинки. Куртка — из плотной, промасленной ткани, с множеством карманов, в которых можно было спрятать нож, аптечку, флягу, всё, что нужно человеку, который идёт в логово врага.

Метательные ножи — три штуки, короткие, с узкими лезвиями, заточенные до бритвенной остроты. Он проверял баланс каждого, крутя в пальцах, ощущая привычный, родной вес. Первый — с костяной рукоятью, найденный в старом бункере, когда они с Алексом зачищали

коллектор от крыс. Второй — стальной, с чёрным покрытием, трофей с убитого «чистильщика». Третий — самодельный, из обломка арматуры, заточенный о камень, грубый, но надёжный. Он положил их на койку, рядом с поясной сумкой, которую Лайла сшила для него из старой, кожаной куртки.

Маленькая аптечка — Лайла настояла. Шприц с антидотом, бинты, пластырь, маленький пузырёк с зелёной, пахнущей йодом жидкостью. Шило перетянул горлышко пузырька проволокой, чтобы не разбился в дороге. Всё это он упаковал в поясную сумку, которая не болталась, не мешала, не выдавала себя звуком. Проверил застёжки — туго, но не сковывает движения.

«Когти Ворона» лежали отдельно.

Валет смотрел на них долгим, тяжёлым взглядом. Две металлические накладки на пальцы, с выдвижными лезвиями, которые пульсировали тусклым красным даже в покое. Артефакт был сыт — после вчерашнего боя с «Чистильщиками» он напился крови и теперь дремал, как сытая змея. Но Валет знал: голод вернётся. Часов через двенадцать, может быть, раньше. Он чувствовал это по тому, как накладки вибрировали, когда он касался их пальцами. По тому, как красные прожилки на металле пульсировали в такт его сердцу.

Он взял правую накладку, надел на пальцы. Когти выскользнули с тихим, металлическим шелестом — тонкие, изогнутые, почти невидимые в тусклом свете свечи. Он сжал кулак, разжал. Когти слушались, но Валет чувствовал, как артефакт ждёт. Требует действия. Требует крови.

Он снял накладки, убрал их в специальный чехол на предплечье — тёмную, кожаную повязку, которая держалась на двух застёжках. Чехол был старым, потёртым, но надёжным. В нём «Когти» не звенели, не блестели, не привлекали лишнего внимания. Последнее оружие, которое увидят враги.

В дверь постучали — один короткий, два длинных. Сигнал Лайлы.

— Войдите, — сказал Валет, не поворачиваясь.

Лайла вошла бесшумно, как и всё, что она делала. Её лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени — она почти не спала, готовя аптечки для всех, кто мог понадобиться. Волосы, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. Она выглядела старше своих лет — Воронка старила всех, но медиков особенно.

— Я пришла проверить твои раны, — сказала она, хотя оба знали, что раны зажили. — Сядь.

Валет подчинился. Он снял куртку, оголив плечо — старое, ровное, белое пятно там, где когда-то болт разорвал мышцы. Лайла осмотрела его без слов, прижала пальцы к шраму, проверяя, нет ли воспаления. Её руки были холодными, но нежными.

— Зажило, — сказала она. — Но если заживёт неправильно, будешь хромать.

— Я не хромаю, — ответил Валет.

— Пока.

Она достала из кармана маленький флакон из тёмного стекла, с плотной, залитой сургучом пробкой. Внутри плескалась мутная, желтоватая жидкость. Валет взял флакон, повертел в пальцах, разглядывая на свет. Пузырьки воздуха поднимались к пробке, лениво, как сонные мухи.

— Парализатор, — сказала Лайла. — Не смертельный, но надёжный. Попадает в кровь — через три секунды тело перестаёт слушаться. Через десять — человек падает и не может даже говорить. Через час проходит. Я сама готовила, из того, что нашла в лаборатории. Архивариус помог с дозировкой.

— Зачем? — спросил Валет, хотя уже знал ответ.

— Чтобы не дать им заговорить, — ответила Лайла. — Если тебя схватят, ты не успеешь выпить яд. А этот… этот можно вколоть себе или врагу. Хватит пары капель. Если враг начнёт кричать — вколи ему. Если тебя пытают — вколи себе.

Валет посмотрел на неё долгим взглядом. В её глазах — голубых, почти прозрачных — не было жалости. Была правда. И была усталость. Усталость человека, который слишком часто видел, как умирают те, кого он лечил.

— Ты думаешь, меня возьмут живым?

— Я думаю, что всё может случиться, — ответила Лайла. — А ты не бессмертен.

Она встала, поправила сумку на плече. Медицинский модуль тихонько звякнул — внутри звякнули ампулы, иглы, шприцы.

— Ты не обязан этого делать, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Никто не скажет ни слова, если ты останешься.

— Я обязан выжить, — ответил Валет, убирая флакон в поясную сумку. — А для этого нужно знать врага.

Лайла хотела сказать что-то ещё, но только вздохнула. Она знала, что спорить бесполезно. Валет был таким же упрямым, как Алекс, как Шрам, как все, кто однажды решил, что умирать — не вариант.

— Возвращайся, — сказала она. — Мы будем ждать.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. В щель сочился тусклый свет из коридора — серый, умирающий, как день за окнами форта.

Валет остался один.

Он надел куртку, застегнул все пуговицы. Проверил ножи — на поясе, в голенищах сапог, под мышкой. Проверил чехол с «Когтями» — туго, но не сковывает движения. Посмотрел на

свои руки — бледные, с обломанными ногтями, с тонкими, белыми шрамами на костяшках. Руки убийцы. Руки тени.

Он не молился. Не думал о прошлом. Не боялся. Страх давно стал его инструментом — он не исчез, он просто научился работать с ним, как с ножом, как с артефактом, как с любой другой опасной вещью, которую нужно держать под контролем, а не бояться.

Он просто встал и вышел.

У ворот форта, когда солнце уже коснулось горизонта, разлив по пустоши кроваво-серые тени, его ждал только Алекс. Никаких проводов, никаких речей. Двое мужчин стояли друг напротив друга, и ветер трепал полы их курток, бросая в лица мелкий, колючий пепел.

Алекс протянул руку — левую, здоровую. Валет пожал. Пальцы сжались — не сильно, но надёжно. На секунду их взгляды встретились: серые, усталые глаза Алекса и чёрные, пустые глаза Валета. В них не было страха. Было понимание. Понимание, которое не нуждалось в словах.

— Твоя задача — не геройство, — сказал Алекс. — Вернись живым.

Валет кивнул. Коротко, сухо.

— Я всегда возвращаюсь.

Он развернулся и пошёл. Не оглядываясь. Быстро, но неспешно. Как будто шёл не на верную смерть, а на прогулку. Фигура его растворялась в серой мгле, становясь тенью среди теней, призраком среди руин. Алекс смотрел ему вслед, пока последний очерк не исчез за горизонтом.

Интерфейс Алекса мигнул:

[Валет: статус — скрыт. Связь — потеряна.]

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь проступила на ткани. Он не обратил внимания. Он смотрел в пустоту, где исчез его лучший разведчик, и думал: «Теперь только ждать».

Внизу, во дворе форта, девочка с камнем смотрела на него снизу вверх. Она сжимала свой гладкий, тёплый талисман и улыбалась — не ему, пустоте. Алекс отвернулся.

Часть третья. Тень на севере

Пустошь дышала холодом. Ветер дул с севера, неся запах сырости, ржавчины и чего-то ещё — дыма? Горячего металла? Валет не мог разобрать, да и не пытался. Он шёл по компасу, который Архивариус вшил в подкладку куртки — маленький, тусклый, стрелка которого дрожала, указывая на север. Компас был старым, ещё довоенным, с потрескавшимся стеклом и мутной жидкостью внутри, но работал. Пока.

Он обходил посты «Железного кулака» широкой дугой, держась теней разбитых зданий, остовов машин, глубоких промоин, оставшихся после старых обвалов. Каждый пост он запоминал, как лицо врага: где стоят, сколько их, как вооружены, как часто сменяются. Патрули ходили регулярно — каждые два-три часа, по три-четыре человека. Валет насчитал три маршрута. Запомнил интервалы. Отметил в памяти слепые зоны — те самые места, где часовые ленились, или где стена цитадели скрывала обзор.

Перед глазами мелькали ориентиры: обгоревший остов грузовика, кабина которого напоминала череп, с пустыми глазницами стёкол; старый бункер, заваленный бетонными блоками, из-под которых сочилась вода, пахнущая серой; руины заправки с ржавыми колонками, где когда-то, очень давно, люди заливали в баки бензин, чтобы ехать к морю, к солнцу, к жизни. Теперь здесь была только смерть.

«Три патруля, — подумал Валет, прячась за грудой битых кирпичей. — Внешнее кольцо — новобранцы, уровни два-три, пугаются каждого шороха. Внутреннее — опытные, уровни пять-семь, идут молча, с оружием наготове. Третье — командирский, с собакой. Собаку обходить осторожно».

Он замер, услышав шаги. Патруль прошёл в двадцати метрах — двое с копьями, один с арбалетом. Солдаты говорили о чём-то — об еде, о женщинах, о том, что Барон обещал повышение, но опять обманул. Голоса были усталыми, злыми. Валет пропустил их, подождал, пока звуки стихнут, и двинулся дальше.

Он не любил вспоминать прошлое — оно было пустым, как глаза смотрящих, или слишком кровавым, чтобы ворошить. Но сейчас, шагая по пустоши в одиночку, он думал о том, как оказался здесь. Хан. Лагерь «Корректоров». Рейд, который пошёл не по плану. Пытки. Побег. И потом — Алекс, который подобрал его в коллекторе, едва живого, с перерезанным горлом и вырванным языком. Алекс, который дал ему нож и сказал: «Ты не обязан любить меня. Ты обязан выжить».

И он выжил. Как всегда.

Он остановился на ночлег в развалинах старого дома, где сохранилась часть крыши и одна стена. Дом был маленьким, когда-то, наверное, чьим-то убежищем — остатки печи, обгоревшие стулья, кусок рваного одеяла на полу. Валет сел в угол, под стену, положил ножи на колени. Спать не хотелось — или он не позволял себе спать. Только закрыл глаза, прислушиваясь к ветру, к шагам, к собственному дыханию.

И вдруг услышал шаги.

Чьи-то. Не ритмичные, как у патруля. Тяжёлые, шаркающие. Один человек. Безоружный — или скрывающий оружие.

Валет открыл глаза. Его пальцы легли на нож.

Из-за обломка стены вышел мужчина. Он был худым, бледным, с впалыми щеками и глубокими тенями под глазами. Одежда — рваная, грязная, насквозь промокшая от пота и крови. Оружия не было. Зато за его спиной, держась за полу куртки, пряталась девочка лет семи — такая же худая, большеглазая, с лицом, застывшим в вечном страхе. Её губы были потрескавшимися, на скулах — синяки. Старые, давние.

Мужчина остановился в трёх метрах от Валета, поднял пустые руки.

— Я не враг, — сказал он. Голос его был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил. — Мы бежим с севера. От «Железного кулака». Они сожгли наш лагерь. Убили всех, кто не успел уйти.

Валет молчал. Он смотрел на мужчину, на девочку, на их грязные, исцарапанные руки. Интерфейс молчал — он не давал оценку чужим. Только сердцебиение, которое Валет слышал без всякого интерфейса, говорило: они не врут. Слишком ровно, слишком устало.

— Вода? — спросил мужчина, облизывая пересохшие губы.

Валет достал флягу, бросил ему. Мужчина поймал, поднёс к губам девочки — та пила жадно, захлёбываясь, кашляя, вода текла по подбородку, смешиваясь со слезами. Потом пил сам — медленно, экономя каждый глоток, как будто боялся, что это последняя вода в его жизни.

— Спасибо, — сказал мужчина, возвращая флягу. — Ты?.. Ты из южных? Слышали, там есть клан. «Нулевые».

Валет не ответил.

— Не важно, — мужчина покачал головой. — Нам бы дойти. Спрятаться.

— Идите на юг, — сказал Валет. Голос его был тихим, ровным, без эмоций. — Держитесь руин. Не выходите на открытое место. Через день будете у форта.

— А ты? — спросила девочка, выглядывая из-за спины отца. Её глаза — серые, огромные — смотрели на Валета с любопытством. — Ты кто?

— Тень, — ответил Валет. — Идите.

Они ушли. Валет смотрел им вслед, пока фигуры не растворились в серой мгле. Потом закрыл глаза. Заснул — чутко, одним ухом слушая пустошь.

Утром, когда небо на востоке начало сереть, Валет вышел на дорогу, ведущую к цитадели. Он не прятался. Он шёл открыто, держа в руке маленький, затупленный нож — символ бедного наёмника, готового на любую работу. Нож был старым, с зазубринами, с рукоятью, обмотанной изолентой. Он ничего не резал, кроме воздуха, но выглядел убедительно.

Патруль наткнулся на него через час.

Трое — двое с копьями, один с арбалетом. Их лица были скрыты масками, но глаза — чёрные, пустые — смотрели на Валета с подозрением. Они вышли из-за груды бетонных обломков, и Валет заметил, как арбалетчик перевёл оружие с плеча на изготовку.

— Стоять, — сказал старший, выходя вперёд. Он был коренастым, с широкими плечами и бычьей шеей. Его голос был низким, рычащим — как у человека, который привык, чтобы его боялись. — Ты кто? Откуда?

— Наёмник, — ответил Валет, поднимая руки. Левой он держал нож, правую — пустую — показал. — Ищу работу. Мой клан вырезали «Ткачи». Остался один.

— Почему ты здесь, а не на юге? — спросил арбалетчик, не опуская оружия. Его пальцы лежали на спусковом крючке, и Валет видел, как они дрожат — мелко, нервно.

— Потому что на юге беженцы и голод, — ответил Валет. — А на севере — сила.

Старший подошёл ближе, осмотрел его одежду, пощупал пояс, заглянул за голенища сапог. Ничего, кроме трёх метательных ножей и затупленного оружия, не нашёл. Чехол с «Когтями» остался незамеченным — Валет спрятал его под мышкой, и плотная куртка скрывала даже намёк на оружие. Старший нахмурился, но ничего не сказал.

— Проверим, — сказал старший. — Идёшь с нами. Барон решит.

Валет не сопротивлялся. Он пошёл вперёд, в окружении трёх врагов, и на его губах не было ни страха, ни надежды — только пустота, как у смотрящего.

Часть четвёртая. Внутри зверя

Цитадель открылась перед ним не сразу.

Сначала были внешние ворота — массивные, сваренные из арматуры и листового металла, с бойницами и пулемётным гнездом сверху. Охрана — четверо, с арбалетами, сонные, но готовые стрелять. Их лица были скрыты масками, но Валет видел, как они смотрят на него — с ленивым любопытством и скрытой угрозой. Потом — внешний двор, уставленный палатками и навесами, где спали и ели рядовые бойцы. Грязно, душно, пахнет потом и дёшевой похлёбкой. В котле, подвешенном над костром, варилось что-то серое, с плавающими кусками мяса — или крысиного, или человеческого, Валет не хотел думать. Бойцы сидели вокруг, жевали, молчали. Никто не улыбался.

Внутренний двор — чище, меньше, с каменными казармами для офицеров. Здесь пахло иначе — кожей, оружейным маслом, дорогим табаком. На стенах — плакаты с изображением Барона, его профиль, вырезанный из старой газеты, с надписью: «Железный кулак — наша сталь». Валет запомнил каждую трещину на стенах, каждое окно, каждую дверь.

И наконец, центральная башня — массивное, угловатое здание из бетона и стали, с узкими окнами-бойницами и тяжёлой, окованной железом дверью. Над дверью — флаг «Железного кулака»: чёрный кулак на красном фоне, сжимающий молнию. Флаг был старым,

выцветшим, но ещё крепким. Валет смотрел на него и думал о том, сколько крови пролилось под этим знаменем.

Валет запоминал всё. Количество постов — двенадцать. Расположение оружия — у каждого выхода, в ящиках под навесами, в нишах стен. Настроение солдат — уставшие, плохо кормленные, с низкой моралью. Офицеры держались надменно, но в их глазах он видел страх — не перед врагом, перед Бароном.

В одном из коридоров, ведущих к казармам, он заметил человека, которого не видела охрана.

Человек стоял у окна, выходящего на пустошь, и смотрел вдаль. Он был высоким, худым, с лицом, изрезанным старыми шрамами и обожжённым с левой стороны — след от старой, давней раны. Глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели с усталой злобой. Одежда — чёрная, без знаков отличия, но дорогая, из плотной ткани. На поясе — два коротких меча, рукояти обмотаны кожей.

Лейтенант. Коготь.

Валет не подал виду, что заметил его. Прошёл мимо, опустив голову, ссутулившись, изображая усталого наёмника, которого волнует только еда и кров. Но краем глаза он запомнил: взгляд Когтя был недовольным, холодным, и направлен он был не на Валета — на что-то внутри цитадели, чего Валет не видел.

«Собеседование» у капитана длилось недолго.

Капитан был толстым, с заплывшими жиром глазами и маленькими, потными ручками, которые лежали на столе, как две жирные гусеницы. Он сидел в тесной комнатушке, за столом, заваленным бумагами, и смотрел на Валета с ленивым любопытством. На стене за его спиной висела карта — грубая, схематичная, с пометками, которые Валет не успел разобрать.

— Имя? — спросил капитан, ковыряя в зубах заострённой палочкой.

— Тень, — ответил Валет.

— Имя, а не кличка.

— Тень, — повторил Валет. — Моё имя умерло вместе с моим кланом.

Капитан усмехнулся — жирно, противно. Его смех был похож на хрюканье.

— Поэт. Что умеешь?

— Убивать, — ответил Валет. — Тихо. Быстро. Без лишних вопросов.

— Почему ты здесь, а не на юге?

— Потому что на юге нет работы, — сказал Валет. — Только беженцы и голод. А у вас — сила.

Капитан помолчал. Потом кивнул какому-то своему решению.

— Хорошо, Тень. Оставайся в казарме. Будешь ходить в вылазки. Покажешь себя — получишь долю. Предашь — умрёшь. Это понятно?

— Понятно, — ответил Валет.

Он вышел, и дверь за ним захлопнулась. В коридоре он вытер пот со лба — не от страха, от напряжения. Капитан не поверил, но и не раскусил. Пока.

Казарма встретила его запахом немытых тел и кислого пива.

Несколько десятков нар — двухъярусные, грубо сколоченные, с тонкими, пропахшими мочой матрасами. Бойцы сидели на них, играли в кости, чистили оружие, спали. Кто-то смотрел на Валета с подозрением, кто-то с безразличием, кто-то — с ленивой угрозой.

Валет выбрал нары в углу, ближе к выходу. Сел, положив ножи на колени. Не раздевался. Не закрывал глаза. Просто сидел и ждал.

Ночь тянулась медленно. Кто-то храпел, кто-то ворочался, кто-то плакал во сне — звал мать, жену, кого-то, кого уже не вернуть. Валет смотрел в потолок, на паутину, которая покачивалась от сквозняка, и думал.

Он думал о «Нулевых». Об Алексе, который ждёт его возвращения. О Лайле, которая дала ему яд. О Шраме, который сжимает тесак и верит, что Валет вернётся. О Косом, который учится не бояться. О девочке с камнем, которая дарит надежду тем, кто её давно потерял. О Глухаре, который слушает землю и не спит, пока они в опасности.

«Они — моя семья, — подумал Валет. — Не кровь. Выбор».

Он сжал в кармане стальной зуб — символ, который дал ему Алекс. Зуб был холодным, твёрдым, острым. Как память. Как обещание.

Ночью, когда казарма затихла, в дверях показалась высокая, худая фигура.

Коготь.

Лейтенант стоял на пороге, вглядываясь в темноту. Его тёмные глаза скользнули по рядам нар, остановились на Валете. На секунду их взгляды пересеклись. Коготь не сказал ни слова, только кивнул — едва заметно, как будто сам себе — и исчез.

Валет не шелохнулся.

Он понял: этот клюнет.

Часть пятая. Первая трещина

Утром Валета включили в отряд на зачистку коллектора. Командовал Коготь.

В отряде было десять человек: четверо опытных, шестеро новобранцев, которых, судя по бледным лицам и трясущимся рукам, гнали на убой, чтобы проверить. Коллектор, куда они спустились, был старым, узким, с низким потолком и влажными, покрытыми плесенью стенами. Вода доходила до щиколоток — чёрная, холодная, пахнущая серой и металлом. Она обжигала кожу, заставляла мышцы сводить судорогой, но никто не жаловался. В отряде Когтя не жаловались.

Коготь шёл впереди, освещая путь фонариком. Луч выхватывал из темноты куски пространства — стены, покрытые чёрной, блестящей плесенью, лужи мутной воды, старые, ржавые трубы, которые торчали из бетона, как кости гигантского, давно умершего зверя.

Валет замыкал строй, держась в тени, наблюдая, запоминая. Новобранцы двигались неуклюже, спотыкались, падали. Опытные подгоняли их тычками копий, матерились, плевались. Коготь не оборачивался. Он шёл вперёд, и его спина была прямой, как клинок.

Они наткнулись на «смотрящих» через час.

Двое — голубые, пульсирующие сущности, которые висели в воздухе, как сломанные призраки, их пустые глаза смотрели в никуда, а тела переливались, как нефть на воде. Новобранцы замерли, закричали, бросились назад, но Коготь, не оборачиваясь, приказал: «Вперёд. Или я убью вас сам».

Они попёрли — со страхом, с ненавистью, с отчаянием.

Бой был коротким и кровавым. Двое новобранцев погибли — их крики оборвались, когда «смотрящие» вошли в их тела, заставив их замереть, а потом упасть с пеной на губах. Коготь бил холодно, расчётливо, не жалея ни врагов, ни своих. Его короткие мечи двигались как продолжение рук — быстро, точно, смертоносно. Валет прикрывал спину молодого парня, которого звали Воронок — он был бледным, с дрожащими руками, но не побежал, не закричал. Он просто делал то, что приказали.

Валет убил одного «смотрящего» метательным ножом, второго — «Когтями Ворона», которые выскользнули из чехла почти незаметно. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая озоном. Никто не заметил артефакта в суматохе боя.

Когда всё кончилось, Коготь подошёл к Валету. Посмотрел долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты не трус, — сказал он. — И не дурак.

— Я наёмник, — ответил Валет. — Мне платят — я делаю.

— А если не платят?

— Тогда я ищу другого работодателя.

Коготь усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ. Усмешка была как шрам, как трещина, как ожог.

— Пойдём, — сказал он. — Поговорим.

В боковом туннеле, где не было ни камер, ни свидетелей, Коготь остановился. Достал из кармана грязную тряпку, вытер нож. Не глядя на Валета, сказал:

— Ты не ищешь работу. Ты ищешь того, кто ненавидит Барона так же, как ты. Угадал?

Валет молчал. Он стоял, прислонившись к стене, и его лицо было непроницаемым, как каменная маска. Он знал, что сейчас нельзя было ни подтверждать, ни отрицать. Только молчать. Только ждать.

— Не бойся, — Коготь усмехнулся. — Я не стукач. Барон меня не любит, я его — тем более. Он платит мне гроши. Держит на коротком поводке, как пса, которого боятся, но не кормят. Я устал.

— Что ты предлагаешь? — спросил Валет.

— Ничего, — ответил Коготь, убирая нож. — Пока. Присмотрись. Подумай. Если ты действительно тот, кем кажешься, — я дам знать.

Он развернулся и пошёл в глубь туннеля, не оглядываясь. Валет смотрел ему вслед, и на его губах впервые за долгое время появилась тень улыбки.

Часть шестая. Эпилог. Взгляд с юга

Форт «Нулевых» спал тревожным сном.

Алекс сидел на стене, свесив ноги вниз, и смотрел на север. Ветер дул с той стороны, холодный, колючий, неся с собой запах дыма и чужой жизни. Где-то там, в цитадели, Валет смотрел в потолок казармы и ждал. Алекс считал часы, минуты, секунды. Интерфейс молчал. Связи не было.

Глухарь стоял рядом, прижав ладонь к бетону, и его лицо было напряжённым — напряжённым, как у человека, который слышит то, чего не должны слышать люди. Пальцы подрагивали, но он не стучал. Не было сигнала. Только ровный, спокойный гул земли.

— Жив? — спросил Алекс.

Глухарь кивнул. Показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к груди, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Жив. Спокоен. Ждёт».

Алекс сжал в левой руке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет. Он думал о том, как Купол учил его не бояться. Как Шрам учил его драться. Как Лайла учила его верить. Как Валет учил его ждать.

— Держись, Валет, — прошептал он. — Мы ждём.

Архивариус передал по рации:

— Связи с Валетом нет. Но он жив — я проверял через косвенные каналы. Один из беженцев, которых мы приняли на днях, видел его в цитадели. Он в казарме. Цел. Пока.

Алекс не ответил. Он смотрел на север, на серую мглу, на будущее, которого не знал.

Интерфейс мигнул:

[Валет: статус — внедрён. Связь — потеряна. Прогноз — неопределён.]

Алекс выключил интерфейс. Закрыл глаза.

— Доверяю, — сказал он пустоте.

А в цитадели, на севере, Валет стоял у окна казармы, глядя на далёкие зарницы — может быть, грозу в пустоши, может быть, работу «Чистильщиков», которые не успокоились, а может быть, просто игру света и тени на горизонте. Его пальцы лежали на подоконнике, бледные, неподвижные. На поясе — ножи. Под курткой — «Когти Ворона». В кармане — стальной зуб.

Он думал о том, что Коготь клюнул. Не сегодня — так завтра. Не завтра — так послезавтра. Он даст сигнал, и тогда начнётся самое сложное — не внедрение, не разведка, а выбор. Сделать ход, который определит судьбу «Нулевых». Или свою смерть.

— Держитесь, — прошептал он. — Я приведу вам этого лейтенанта.

В караульное помещение, где Валет сидел на нарах, вошли двое — высокий, коренастый, с бычьей шеей и маленькими, злыми глазами, и тощий, вертлявый, с длинными руками, которые, казалось, могли достать до любого места. Они сели на нары напротив, уставились на Валета.

— Новенький? — спросил толстый, сплёвывая на пол. Плевок был густым, жёлтым — инфекция, или просто запущенные лёгкие.

— Новенький, — ответил Валет.

— Откуда?

— С юга.

— С юга, значит, — толстый усмехнулся. — А слыхал про «Нулевых»?

Валет промолчал. Его лицо не дрогнуло.

— Говорят, там, — продолжал толстый, понижая голос до шёпота, — монстр живёт. Рука чёрная, когти, как у зверя. Людей режет, как скот. У-у-у.

— Врёшь ты всё, — сказал тощий, пихнув толстого локтем. — Нет там никакого монстра. Есть клан. Маленький, голодный, но злой. Барон их боится.

— Барон ничего не боится, — ответил толстый, но голос его дрогнул.

Валет не слушал. Он смотрел в потолок, на паутину, которая покачивалась от сквозняка, и улыбался — невидимо, одними уголками губ.

«Чёрная рука. Когти. Монстр. Если бы вы знали, что этот монстр — мой вожак».

Он закрыл глаза. Заснул — чутко, одним ухом слушая казарму, другим — пустошь, третьим — своё сердце, которое билось ровно, спокойно, как у человека, который знает, что делает.

И на его губах всё ещё теплилась тень улыбки.

ИТОГ ГЛАВЫ 40

· Ключевые события
· Валет покидает форт «Нулевых» и проникает в цитадель «Железного кулака».
· Проходит проверку, демонстрирует навыки, замечает недовольство лейтенанта Когтя.
· Получает намёк на будущий контакт («Я дам знать»).
· Алекс и Архивариус анализируют риски и принимают стратегическое решение.
· Сцена с беженцами показывает человечность Валета.
· Новые персонажи
· Коготь (лейтенант «Железного кулака», ур.14, недоволен Бароном).
· Капитан (второстепенный, толстый и неприятный).
· Беженец с дочерью (эпизодические, показывают контраст между кланами).
· Воронок (молодой боец, эпизод в коллекторе).
· Двое солдат в казарме (для атмосферы).
· Раскрыто
· Валет не просто убийца, а тактик и психолог. Его внутренний мир показан глубже.
· Лояльность в клане «Железного кулака» даёт трещину: солдаты недовольны, офицеры боятся Барона.
· Валет хранит верность клану «Нулевые» и видит в нём семью.
· Состояние отряда
· Валет: внедрён, связь потеряна, но жив.
· Алекс: 62% интеграции, ждёт.

· Глухарь: чувствует вибрации, подтверждает, что Валет жив.
· Новые угрозы
· «Железный кулак» — цитадель, сорок бойцов, мораль низкая, лейтенант готов предать.
· Напряжение
· Связь отсутствует, Алекс и читатель не знают, чем всё кончится.
· Внутренний конфликт Валета: работа под прикрытием vs тоска по своим.
· Атмосфера
· Усилена детализация пустоши, цитадели, быта солдат.
· Показан контраст между голодными, уставшими бойцами «Железного кулака» и сплочённостью «Нулевых».
· Связь с сюжетом
· Закладка для будущего предательства и штурма цитадели.
· Развитие персонажа Валета: от безэмоциональной тени к человеку, который скучает по дому.

ГЛАВА 41. ОЖИДАНИЕ

Часть первая. Мёртвый эфир

1.

Алекс не помнил, когда в последний раз смотрел на часы.

Интерфейс показывал время автоматически — зелёные цифры пульсировали в правом верхнем углу зрения, как вторичное сердцебиение, как напоминание о том, что каждая секунда приближает его либо к смерти, либо к свободе. Но сейчас он смотрел не на время. Он смотрел на строку под ним: «Связь с Валетом: потеряна».

Она висела там уже вторые сутки.

Командный центр форта был погружён в полумрак. Аварийные лампы горели через одну — экономили топливо для биогазового реактора, который работал с перебоями последние дни. Их тусклый, желтоватый свет падал на карты, разложенные на столе, на лица людей, на старые, покрытые пылью мониторы, которые Архивариус так и не научился использовать на полную мощность. Пахло здесь озоном, старой электроникой и той особенной, горькой пылью, которая остаётся, когда слишком много думаешь и слишком мало живёшь.

Алекс сидел на стуле у окна — единственного окна в командном центре, забранного бронированным стеклом, за которым была пустошь. Серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом. Рассвет уже давно прошёл, но солнца не было — только тусклое, размытое пятно света, которое пробивалось сквозь облака и тут же тонуло в серой мгле.

Он смотрел на север.

Туда, где в трёх днях пути, за пустошью, за руинами, за постами и патрулями, пряталась цитадель «Железного кулака». Туда, где Валет уже вторые сутки играл в свою самую опасную игру. Где каждое слово могло стать последним, каждый взгляд — приговором, каждое движение — смертью.

Правая рука — чёрная, замотанная в свежие бинты, которые Лайла наложила перед рассветом, — лежала на колене. Алекс чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как вены пульсируют в такт его сердцу. Иногда ему казалось, что рука живёт своей жизнью — двигается без команды, напрягается без причины, дышит в такт чужому, нечеловеческому ритму.

Он сжал кулак. Когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь — густая, тяжёлая, пахнущая озоном — проступила на ткани, оставляя тёмные, почти незаметные пятна. Боль была острой, привычной. Она напоминала ему, что он ещё жив.

Интерфейс выдал:

Время с момента активации: 362 часа 18 минут

Интеграция: 62% → 62.5% (стресс, бессонница)

Психоэмоциональный след: 27% → 28% (незначительный рост)

Автономный режим: активен. Последний приступ: 6 часов назад

Связь с Валетом: потеряна (36 часов)

Рекомендация: подготовить отряд для разведки или атаки. Ожидание более 48 часов критически снижает шансы на возвращение агента.

Алекс выключил уведомление. Система не понимала. Система видела только цифры — шансы, проценты, риски. Она не знала Валета. Не знала, что он возвращался оттуда, откуда не возвращаются. Не знала, что он был тенью, а тени не умирают — они просто исчезают, пока не придёт время снова появиться.

Но время шло. А тень не появлялась.

Он вспомнил, как Валет уходил. Стоял у ворот, молчаливый, как всегда, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который идёт на прогулку, а не в логово врага. Алекс протянул ему зуб — стальной зуб, найденный в трофеях после боя с Вожаком. Валет взял, посмотрел, кивнул. Не сказал ни слова. Просто ушёл. Растворился в серой мгле, как капля воды в океане, как тень среди теней.

«Он вернётся, — подумал Алекс тогда. — Он всегда возвращается».

Теперь он не был так уверен.

2.

Архивариус сидел за пультом, откинувшись на спинку стула, и его пальцы — тонкие, бледные, с обломанными ногтями — лежали на клавиатуре, но не двигались. Он не работал. Он смотрел в монитор, на котором горела схема северного сектора, и его лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках.

Он не спал ещё больше, чем Алекс. Глаза его — серые, усталые, с красными прожилками — покраснели от напряжения, под ними залегли глубокие, тёмные круги. На столе перед ним стояла кружка с давно остывшим чаем, который он забыл выпить. Рядом — раскрытая тетрадь Хана, та самая, с записями о Вожаке, о Хранилище, о Тишине. Он перечитывал её в сотый раз. Искал ответ. Не находил.

— Тридцать шесть часов, — сказал Архивариус, не оборачиваясь. Голос его был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго молчал и забыл, как звучит его собственная речь. — Тридцать шесть часов без связи. Это много. Очень много.

— Он жив, — ответил Алекс, не отрывая взгляда от окна. — Я знаю.

— Откуда? — Архивариус повернулся к нему, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на горечь. — Откуда ты можешь знать? У тебя нет с ним связи. Глухарь не чувствует его вибраций на таком расстоянии. Беженцы, которые видели его в цитадели, давно в форте. У нас нет ничего. Только надежда.

— Этого достаточно, — сказал Алекс.

— Надежда — плохая стратегия, — ответил Архивариус, и в его голосе не было злобы — только усталость. — Хан надеялся, что Тишина заснёт. Не заснула. Купол надеялся, что вы успеете. Не успели. Летописец надеялся, что вы придёте раньше. Пришли позже. Надежда — это самообман. Она не лечит. Не спасает. Не воскрешает.

Он замолчал, потом добавил тише, почти шёпотом:

— Я не хочу, чтобы ты его бросал. Я просто боюсь. Боюсь, что мы уже потеряли его. Боюсь, что следующий, кого мы потеряем, будешь ты. Боюсь, что без тебя клан рассыплется, как старый бетон, как песок, как всё, что построено на надежде, а не на стали.

Алекс встал. Ноги затекли — он сидел неподвижно почти три часа, не меняя позы, как статуя, как изваяние, как человек, который боялся, что если пошевелится, то что-то изменится. Что-то, что пока держало Валета живым.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что мы его бросим? — спросил Алекс, подходя к столу. Голос его был спокойным — спокойным, как у человека, который уже всё решил и теперь просто проверяет, есть ли альтернатива. — Чтобы я отдал приказ готовить оборону и забыл о нём? Чтобы я поставил крест на лучшем разведчике, который у нас есть, потому что ждать страшно?

— Я хочу, чтобы ты смотрел правде в глаза, — ответил Архивариус, поднимаясь. Он опирался на посох Летописца — старый, кожаный, с потёртой пряжкой, — и его пальцы дрожали, сжимая рукоять. — Если Валет жив, он даст знать. Если он мёртв — мы ничего не изменим, послав за ним отряд. Если он попал в плен и его пытают — он уже, возможно, рассказал всё, что знает. О форте. О нас. О тебе.

— Он не расскажет, — сказал Алекс, и в его голосе зазвучала сталь. — Я знаю его. Он скорее выпьет яд, который дала ему Лайла, чем предаст клан.

— Ты уверен? — спросил Архивариус.

— Уверен, — ответил Алекс. — Потому что на его месте я сделал бы то же самое.

Они замолчали. Тишина в командном центре стала плотной, почти осязаемой. Только генераторы гудели где-то внизу, только вентиляция шипела, только капли воды падали за стенами — мерно, монотонно, как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти.

Архивариус первым нарушил молчание.

— Я не хочу, чтобы ты его бросал, — сказал он, и голос его дрогнул — впервые за этот разговор. — Я просто боюсь. Боюсь, что мы уже потеряли его. Боюсь, что следующий, кого мы потеряем, будешь ты. Боюсь, что без тебя клан рассыплется, как старый бетон, как песок, как всё, что построено на надежде, а не на стали.

— Клан построен на людях, — ответил Алекс. — На нас. На тебе. На Шраме. На Лайле. На Косом. На девочке с камнем. Если я умру — клан не рассыплется. Его будут держать те, кто останется. Это моя вера. Не надежда — вера. А вера сильнее стали.

Он подошёл к окну, посмотрел на пустошь. Ветер нёс пепел, смешивая его с серым небом. Где-то там, на севере, его ждал враг. А где-то между — его тень.

— Ждём ещё сутки, — сказал Алекс, не оборачиваясь. — Если к завтрашнему утру не будет никаких вестей — я сам пойду на север. Без карты, без плана, без подкрепления. Потому что я не бросаю своих. Никогда.

3.

Глухарь стоял на северной стене, прижав ладонь к холодному бетону, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз. Но пальцы подрагивали — мелко, быстро, почти незаметно. Он чувствовал вибрации.

Земля гудела ровно, монотонно, как спящий зверь, который наелся и теперь отдыхает, свернувшись калачиком в глубокой, тёплой норе. Никаких посторонних шумов. Ни шагов, ни сердцебиений, ни механических ритмов на пределе чувствительности.

Пусто.

Глухарь открыл глаза — неестественно светлые, почти белые — и посмотрел на Алекса, который поднялся к нему. Тот стоял рядом, сжимая «Рассекатель» в левой руке, и его лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными, с чёрными точками, которые становились всё больше — горели холодным, ровным светом.

— Ничего? — спросил Алекс, хотя уже знал ответ.

Глухарь покачал головой. Показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Ничего. Тишина. С севера — ни шагов, ни вибраций, ни жизни».

— А он? — спросил Алекс. — Валет? Ты чувствуешь его?

Глухарь покачал головой снова. Показал другой жест: два пальца, сложенные вместе, потом резкое движение в сторону, потом отрицание.

«Слишком далеко. Не могу различить. Слишком много бетона, стали, земли. Он — как игла в стоге сена».

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь, и чёрная кровь проступила на бинтах. Он не обратил внимания. Он смотрел на север, на серую мглу, на будущее, которого не знал.

— Продолжай слушать, — сказал он. — Если почувствуешь что-то — даже слабое, даже сомнительное — бей тревогу.

Глухарь кивнул. Прижал ладонь к стене снова. Закрыл глаза. Он слушал землю. Он всегда слушал землю.

Алекс остался на стене. Ветер дул с севера, холодный, колючий, неся с собой запах дыма и чужой жизни — может быть, с полей, где «Железный кулак» жёг свои костры, а может быть, просто с пустоши, где ничего не было, кроме пепла и пыли. Он смотрел в серую мглу, и его глаза — голубые, почти прозрачные — слезились от ветра.

Он думал о том, как Купол учил его ждать. «Ожидание — это не бездействие, — говорил Купол. — Ожидание — это подготовка. Ты не просто сидишь и смотришь на стену. Ты думаешь. Ты просчитываешь. Ты готовишься к худшему, но надеешься на лучшее. Если ты не готов — ты умрёшь. Если ты не надеешься — ты уже мёртв».

Алекс был готов. Он надеялся. Но внутри, где-то глубоко, голос Пророка шептал: «Он не вернётся. Ты знаешь. Ты всегда знал. Тени не возвращаются. Они исчезают. Как я. Как все, кто верил. Как ты скоро исчезнешь».

— Заткнись, — прошептал Алекс.

Голос замолк. Но Алекс знал: он вернётся. Как только он закроет глаза. Как только он останется один. Как только он позволит себе хотя бы на секунду усомниться.

Часть вторая. Бремя командования

4.

Совет капитанов собрался в столовой через час.

Столовая была большой — метров двадцать в длину, десять в ширину, с высоким, бетонным потолком и стенами, покрытыми серой, облупившейся краской. Лампы — аварийные, тусклые — горели через одну, отбрасывая длинные, вытянутые тени на пол, на стены, на лица

людей. Тени плясали, как призраки, как демоны, как смотрящие, и воздух был тяжёлым, спёртым, пахнущим потом, страхом и надеждой.

За длинным столом сидели: Шрам (бледный, с перевязанным боком, сжимающий тесак), Кремень (спокойный, как скала, щит за спиной), Клык (перебирающий арбалетные болты, сломанный мизинец туго замотан тряпкой), Лайла (с медицинским модулем на коленях, лицо бледное, под глазами тени) и Архивариус (с картами, с планшетом Хана, с усталыми, но живыми глазами). Глухарь стоял у входа, прижав ладонь к стене, и его лицо было спокойным, но пальцы подрагивали.

Валета не было.

И это чувствовалось сильнее, чем отсутствие любого другого бойца. Валет был тенью — его не замечали, когда он был рядом, но когда он исчезал, его отсутствие становилось дырой, чёрной, пульсирующей дырой в самом сердце клана. Алекс смотрел на пустой стул в углу — тот, на котором Валет обычно сидел, перебирая ножи, и чувствовал, как что-то сжимается внутри.

Алекс сел во главе стола, положил «Рассекатель» на колени. Правая рука — чёрная, замотанная в бинты — лежала на столе, и он не прятал её. Не было смысла. Все уже видели. Все уже знали, что их лидер умирает. Или становится монстром.

— Тридцать шесть часов, — сказал Алекс, обводя всех взглядом. — Связи нет. Беженцы, которые видели Валета в цитадели, давно здесь. Глухарь не чувствует его вибраций. Мы слепы.

— И глухи, — добавил Клык, не поднимая головы. Он продолжал перебирать болты, раскладывая их по кучкам — острые, тупые, погнутые. Каждый болт был шансом. Каждый шанс — жизнью. — Тридцать шесть часов — это много. Если он не вышел на связь, значит, не может. Если не может — значит, либо мёртв, либо в плену. Либо предал.

— Он не предал, — сказал Шрам, и его голос был твёрдым, как сталь, как бетон, как сама Воронка. — Я знаю Валета. Он не предаст. Никогда.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кремень, поднимая голову. Его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз, — но в глазах — чёрных, пустых — мелькнуло что-то, похожее на сомнение. — Ты был с ним в разведке? Ты видел, как он работает? Ты знаешь, что у него в голове?

— Я знаю, что он ушёл туда, откуда не возвращаются, — ответил Шрам, сжимая тесак. — И он пошёл не за наградой. Не за осколками. За нами. За кланом. Если он предаст — он предаст себя. А себя он не предаст. Потому что у него больше нет никого, кроме нас.

Лайла подняла голову. Её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Валет жив, — сказала она. — Я дала ему яд. Сильный. Быстрый. Если бы его взяли в плен и начали пытать, он бы принял яд. И тогда мы бы знали — потому что яд оставляет след. Не физический — энергетический. Архивариус, ты проверял?

— Проверял, — ответил Архивариус, не поднимая головы от планшета. — Я настроил оборудование на частоту, которую ты указала. Никаких всплесков. Никаких следов. Яд не активирован.

— Значит, он жив и не в плену, — сказала Лайла. — Или в плену, но ещё не пытают. Или пытают, но он не принял яд, потому что надеется, что мы его спасём.

— Или потому, что не успел, — добавил Клык, и его голос был ровным, безэмоциональным, как у человека, который привык к худшему.

5.

Алекс поднял руку — «тихо».

— Хватит гадать, — сказал он. Голос его был спокойным — спокойным, как у человека, который уже принял решение и теперь просто ждёт, когда его услышат. — Мы не знаем, что с Валетом. Мы не знаем, жив он или мёртв, в плену или на свободе, предал или нет. Но мы знаем одно: у нас нет разведданных. Нет карты цитадели. Нет слабых мест «Железного кулака». Нет информации о том, когда Барон планирует атаковать. Мы слепы. И если мы останемся слепыми — мы умрём.

— Что ты предлагаешь? — спросил Кремень.

— Готовить отряд, — ответил Алекс. — Не для атаки — для разведки. Если Валет не вернётся через сутки, я поведу отряд на север. Небольшой — пять-шесть человек. Пойдём по его следам. Если он жив — вытащим. Если мёртв — найдём тело. Если предал — убьём.

— А если он просто залёг на дно и ждёт сигнала? — спросил Клык. — Если мы пойдём, мы его раскроем. И тогда он умрёт. И мы умрём.

— Тогда мы не пойдём, — ответил Алекс. — Будем ждать. Ещё сутки. Но готовить отряд начнём сейчас. Шрам, составь список добровольцев. Кремень, проверь оружие и броню. Клык, подготовь арбалеты и болты — все, что есть. Архивариус, собери всё, что известно о цитадели. Карты, схемы, слухи. Всё, что может пригодиться.

— А если Валет вернётся через час? — спросила Лайла.

— Тогда мы отменим подготовку, — ответил Алекс. — И устроим пир. С консервами, сухарями и мутной водой из коллектора. Потому что это будет победа. Победа надежды над страхом. Победа жизни над смертью.

Он замолчал. За столом стало тихо. Только вентиляция гудела, только где-то далеко капала вода, только дети играли во дворе, не знаю, что их будущее висит на волоске, на тонкой, почти невидимой нити, которая вела на север, в цитадель, к Барону, к Когтю, к Валету.

Шрам заговорил первым:

— Я пойду. Если Валет не вернётся — я пойду с тобой. Это не обсуждается.

Алекс посмотрел на него. На его бледное лицо, на повязку на боку, которая снова промокла — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы. Шрам не спал. Он тоже ждал. Он тоже боялся. Но он не показывал. Он никогда не показывал.

— Ты ранен, — сказал Алекс. — Если мы попадём в переделку, ты не сможешь драться. Ты будешь обузой.

— Я не обуза, — ответил Шрам. — Я уже тридцать лет не был обузой. И не буду. Если я умру — умру с тесаком в руке. Не в медотсеке, на койке.

Алекс хотел возразить, но не стал. Он знал, что спорить бесполезно. Шрам был таким же упрямым, как Валет, как Лайла, как он сам.

— Хорошо, — сказал Алекс. — Ты идёшь. Но если ты упадёшь — мы не понесём тебя. Ты останешься там. В пустоши. С крысами и пеплом.

— Договорились, — ответил Шрам.

6.

После совета Алекс вышел во двор.

Беженцы сидели в тени стены — те, кого привели из лагеря «Ткачей». Их было двадцать два — мужчины, женщины, дети, — и они всё ещё смотрели на Алекса с надеждой, смешанной со страхом. Глаза некоторых были белыми, пустыми, с едва заметными чёрными метками на лбах — остаточная энергия Пророка, которая ещё не рассеялась. Другие смотрели нормально — серыми, карими, зелёными глазами, но в них тоже был страх. Страх перед будущим. Страх перед тем, что их вышвырнут за ворота. Страх перед тем, что они умрут.

Старик — тот, что привёл их к воротам, — сидел на камне, опираясь на палку, и его лицо было бледным, но глаза — белыми, пустыми — смотрели на Алекса без страха. Без надежды. Без ничего. Только пустота и слабая, едва уловимая пульсация чёрной метки на лбу.

— Ты не спишь, Алекс, — сказал старик, когда Алекс подошёл. Голос его был тихим, спокойным, почти ласковым — как у человека, который знает, что его жизнь зависит от этого разговора. — Ты всё смотришь на север. Ждёшь. Твой разведчик не вернулся. Ты боишься, что он предал. Или что его убили. Я прав?

— Прав, — ответил Алекс, останавливаясь напротив. — Ты знаешь, что такое ждать?

— Знаю, — старик усмехнулся — сухо, безрадостно, одними уголками губ. — Я ждал Пророка десять лет. Он не вернулся. Потому что ты убил его. Теперь я жду тебя. Жду, когда ты скажешь, что мы можем остаться. Что мы не умрём. Что ты не выгонишь нас.

— Вы останетесь, — сказал Алекс. — Я обещал. Я держу слово.

— А если ты умрёшь? — спросил старик, глядя ему прямо в глаза. — Если твой разведчик предал и Барон нападёт? Если твоя чёрная рука сожрёт тебя изнутри? Кто тогда будет держать слово?

— Тот, кто останется, — ответил Алекс. — Шрам. Лайла. Архивариус. Тот, кто возьмёт на себя ответственность. Тот, кто не бросит.

— А если они тоже умрут?

Алекс посмотрел на старика долгим, тяжёлым взглядом. Потом ответил:

— Тогда вы будете держать слово сами. Своими руками. Своими ножами. Своей верой. Не в бога — в себя. Этого достаточно. Этого всегда было достаточно.

Старик помолчал. Потом кивнул.

— Мы будем ждать, — сказал он. — Как ты. Как все. До конца.

7.

Лена подошла к Алексу, когда он направлялся обратно в командный центр.

Она стояла у стены, сжимая нож, и её лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз. Она научилась не бояться. Или боялась, но не показывала. На её поясе висели два ножа — длинный и короткий, — и она поправила их перед разговором, проверяя, не болтаются ли ножны.

— Ты идёшь на север, — сказала она. Это был не вопрос — утверждение.

— Иду, — ответил Алекс. — Если Валет не вернётся.

— Возьми меня.

Алекс остановился. Посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты нужна здесь, — сказал он. — Шрам ранен. Кремень и Клык нужны для обороны. Если я возьму тебя, в форте останутся только женщины, дети и беженцы.

— Я не женщина, — ответила Лена, и в её голосе зазвучала сталь. — Я боец. Я убивала «Ткачей». Я убивала крыс. Я убивала чистильщиков. Я не боюсь. Я не отступаю. Я не подведу.

Алекс смотрел на неё и видел себя. Таким же зелёным, таким же горящим, таким же готовым умереть за тех, кто рядом. Купол не взял его в первый рейд — сказал, что он не готов. Алекс обиделся. А потом понял, что Купол был прав. Он не был готов. Он учился. Он падал. Он вставал. Он учился снова.

— Ты готова, — сказал Алекс. — Но ты не пойдёшь. Ты нужна здесь. Для детей. Для беженцев. Для тех, кто не умеет драться. Ты будешь их стеной. Поняла?

Лена хотела возразить, но не стала. Она сжала нож так, что побелели костяшки пальцев, и кивнула.

— Поняла, — сказала она. — Но если вы не вернётесь — я приду за вами. С ножами. И мне будет всё равно, кто там — Барон, Коготь или сам Нулевой объект.

— Договорились, — ответил Алекс.

Часть третья. Страх и вера

8.

Лайла нашла Алекса в медотсеке через два часа.

Он сидел на краю койки, сняв куртку, и смотрел на свою правую руку. Бинты были смотаны до локтя, обнажая чёрную, пульсирующую кожу. Когти торчали из пальцев, как иглы, как клыки, как осколки Нулевого объекта, и вены вздулись, пульсировали в такт сердцу, как черви, как корни, как живая плоть, которая пыталась прорваться наружу.

Лайла села рядом, взяла его руку в свои. Её пальцы были холодными, тонкими, с обломанными ногтями, но нежными. Она провела по чёрной коже, ощупывая вены, проверяя, нет ли новых трещин, новых разрывов, новых признаков того, что интеграция ускорилась.

— Ты не спал, — сказала она. Это был не вопрос — утверждение.

— Не мог, — ответил Алекс. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу Валета. Он идёт по пустоши. За ним — стена. Чёрная, высокая, с колючей проволокой. Он подходит к воротам, и они открываются. А за воротами — тьма.

— Ты боишься, что он мёртв?

— Боюсь, что он жив, но не может вернуться. Боюсь, что его пытают. Боюсь, что он принял яд, но яд не сработал, и теперь он говорит. Говорит всё, что знает. О форте. О нас. О тебе.

Лайла покачала головой. Её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Яд сработает, — сказала она. — Я проверяла. На крысах. На себе. На Шраме. Он надёжный.

— Ты проверяла на Шраме? — Алекс поднял бровь.

— Он согласился, — ответила Лайла, и в её голосе впервые за долгое время мелькнуло что-то, похожее на улыбку. — Сказал, что если яд не сработает, он сам себя убьёт. Тесаком. Так надёжнее.

Алекс усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ.

— Шрам — дурак.

— Шрам — солдат, — ответила Лайла. — Солдаты не боятся смерти. Они боятся, что их смерть будет напрасной. Я дала Валету шанс умереть без боли. Если он принял яд — он не мучается. Если не принял — значит, надеется.

— На что?

— На нас, — ответила Лайла. — На то, что мы придём. На то, что мы не бросим. На то, что мы спасём его.

Она замолчала, потом добавила тише, почти шёпотом:

— Ты пойдёшь за ним. Я знаю. Ты уже решил. Ты просто ждёшь, когда сможешь сказать себе, что ждал достаточно долго.

Алекс посмотрел на неё. На её бледное лицо, на её голубые глаза, на её руки, которые всё ещё держали его чёрную, пульсирующую руку. Она была права. Она всегда была права.

— Завтра, — сказал он. — Если к завтрашнему утру не будет вестей — я пойду.

— Я знаю, — ответила Лайла. — Поэтому я приготовила аптечку. Для тебя. Для Валета. Для всех, кто пойдёт с тобой.

Она встала, взяла медицинский модуль, проверила ампулы, бинты, шприцы.

— Антидот, — сказала она, показывая на флакон. — Кровоостанавливающее. Обезболивающее. Всё, что может понадобиться.

— Ты веришь, что он жив? — спросил Алекс.

— Я верю, что ты его вернёшь, — ответила Лайла. — Это разные вещи.

Она хотела сказать что-то ещё, но только вздохнула. Она знала, что спорить бесполезно. Алекс был таким же упрямым, как Валет, как Шрам, как все, кто однажды решил, что умирать — не вариант.

— Возвращайся, — сказала она. — Мы будем ждать.

9.

Косой стоял у входа в столовую, когда Алекс проходил мимо.

Он выглядел иначе, чем несколько дней назад. Бледным, но не испуганным. Руки его не дрожали. Он сжимал нож — тот самый, которым убил «чистильщика» в коллекторе, — и его пальцы были белыми от напряжения, но не от страха. Глаза — серые, молодые, но уже старые — смотрели на Алекса с надеждой и решимостью.

— Алекс, — сказал он, делая шаг вперёд. — Я хочу идти с тобой. Когда ты пойдёшь на север.

— Откуда ты знаешь, что я пойду? — спросил Алекс, останавливаясь.

— Я вижу, — ответил Косой. — Ты смотришь на север так же, как смотрел на запад, когда мы шли к «Ткачам». Ты уже решил. Ты просто ждёшь.

Алекс помолчал. Потом спросил:

— Ты готов умереть?

— Нет, — ответил Косой, и его голос не дрогнул. — Но я готов идти. Потому что Валет спас мне жизнь. В коллекторе. Когда я замер, он прикрыл меня. Он мог бросить. Не бросил. Я не брошу его.

— А если он мёртв? — спросил Алекс. — Если мы придём, а там только тело? Что тогда?

— Тогда мы заберем тело, — ответил Косой. — И похороним за стенами. С флагом. С ножом в руке. Как воина. Как «Нулевого».

Алекс посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо. Ты идёшь со мной. Но если ты побежишь — я убью тебя сам. Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели.

— Не побегу, — ответил Косой. — Мне некуда бежать.

Алекс хотел уйти, но Косой остановил его.

— Алекс, — сказал он. — А ты боишься?

Алекс замер. Этот вопрос ударил больнее, чем когти, чем ножи, чем голос Пророка, который шептал где-то на границе сознания. Он боялся. Он боялся каждый день, каждый час, каждую минуту. Но он не показывал. Никогда.

— Боюсь, — ответил Алекс. — Но не показываю. Это моя работа.

Косой кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на понимание.

— Я запомню, — сказал он.

10.

Глухарь подал сигнал тревоги через час.

Один короткий, один длинный, один короткий — «Кто-то идёт. С запада. Один. Не агрессия. Страх».

Алекс поднялся на стену. В серой мгле пустоши, на границе видимости, двигалась фигура. Человек. Худой, бледный, с растрёпанными волосами и пустыми, белыми глазами. Его

одежда была рваной, грязной, на ногах — кровавые мозоли, он шёл босиком по пеплу и камням.

На лбу — чёрная, пульсирующая метка. Такая же, как у тела «Чистильщика» в туннеле. Такая же, как у некоторых беженцев. Энергия Пророка. Остаточная. Ищущая нового хозяина.

Человек подошёл к воротам, остановился. Поднял голову, посмотрел на Алекса пустыми глазами.

— Ты — Алекс, — сказал он. Голос его был тихим, спокойным, почти ласковым — как у человека, который знает, что сейчас умрёт, и не боится этого. — Убийца Пророка. Я слышал твой голос. Он звал меня. Ты звал меня.

— Я не звал тебя, — ответил Алекс. — Я не знаю тебя. Уходи.

— Не могу, — ответил человек, и его голос дрогнул. — Голос не даёт. Он говорит: иди к нему. Он — новый пастырь. Он — новый свет. Он — новая вера.

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь, и чёрная кровь проступила на бинтах.

— Я не пастырь, — сказал он. — Я не свет. Я не вера. Я — человек, который убивает, чтобы защищать. Если ты хочешь жить — работай. Если хочешь умереть — иди обратно в пустошь. Выбирай.

Человек замер. Его пустые глаза смотрели на Алекса, и в них не было ничего — ни страха, ни надежды, ни любви. Только пустота и слабая, едва уловимая пульсация чёрной метки на лбу.

Потом он опустился на колени.

— Я выбираю работу, — сказал он. — Не веру. Работу.

Алекс махнул рукой. Ворота открылись. Человек вошёл в форт, и Лайла повела его в медотсек — проверять здоровье, искать инфекции, заражения, следы того, что вера Пророка ещё жива в его теле.

Интерфейс выдал:

Беженцы: +1. Всего в клане — 46 человек.

Психоэмоциональный след: 28% → 29% (новый носитель остаточной энергии).

Предупреждение: рост числа беженцев с метками может привести к усилению «веры» в Алекса как в нового Пророка.

Алекс выключил уведомление.

— Пусть верят, — прошептал он. — Пока работают.

Часть четвёртая. Ночь в форте

11.

Ночь опустилась на форт, как тяжёлое, свинцовое одеяло. Небо было чёрным, беззвёздным, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел.

Алекс сидел на стене, свесив ноги вниз, и смотрел на север. Интерфейс пульсировал перед глазами, отсчитывая секунды, минуты, часы.

Время с момента ухода Валета: 44 часа 12 минут.

Связь: потеряна.

Рекомендация: подготовить отряд для разведки.

Он не слушал. Он смотрел в темноту, и в его голове крутились мысли — тяжёлые, липкие, как чёрная кровь на бинтах.

«Что, если он мёртв? Что, если его тело лежит в каком-нибудь подвале цитадели, и крысы грызут его лицо? Что, если Барон повесил его на стене, чтобы другие наёмники видели, что бывает с теми, кто шпионит? Что, если он предал? Что, если он сейчас сидит в тёплой комнате, пьёт вино и рассказывает Барону всё, что знает о форте, о стенах, о постах, о нас?»

Он сжал голову руками, пытаясь остановить поток мыслей. Не получалось. Голос Пророка шептал где-то на границе сознания: «Он предал. Как все. Как я. Как ты предашь однажды. Это неизбежно. Вера не вечна. Люди не вечны. Только пустота».

— Заткнись, — прошептал Алекс.

Голос замолк. Но Алекс знал: он вернётся. Как только он закроет глаза. Как только он останется один. Как только он позволит себе хотя бы на секунду усомниться.

Он вспомнил, как Купол учил его не сдаваться. «Ты можешь бояться, — говорил Купол. — Ты можешь сомневаться. Ты можешь хотеть бросить всё и уйти в пустошь, чтобы тебя никто никогда не нашёл. Но ты не должен. Потому что если ты сдашься — сдадутся они. А они смотрят на тебя. Они ждут. Они верят. Не обмани их ожиданий».

Алекс не хотел быть богом. Он хотел быть человеком, который делает то, что должен. Даже если это больно. Даже если это страшно. Даже если это убьёт его.

12.

Лайла поднялась на стену через час.

Она куталась в старую, рваную шаль, которую нашла в кладовой, и её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели. Она села рядом, не спрашивая разрешения, и её плечо коснулось его плеча.

— Ты не спал, — сказала она.

— Не мог, — ответил Алекс.

— Я принесла тебе чай, — она протянула ему кружку — железную, с отбитой эмалью, из которой пили все, кому не повезло умереть раньше. — Горький. С кореньями. Архивариус сказал, что это помогает от бессонницы.

— Помогает?

— Нет, — ответила Лайла. — Но он думает, что помогает. Это главное.

Алекс взял кружку, сделал глоток. Чай был горьким, терпким, с привкусом дыма и земли. Он обжёг язык, горло, желудок. Но тепло разлилось по телу, и дрожь — та, которую он не замечал, но которая сотрясала его последние часы, — немного утихла.

— Ты пойдёшь за ним завтра, — сказала Лайла. Это был не вопрос — утверждение.

— Пойду, — ответил Алекс. — Если к утру не будет вестей.

— А если будут?

— Тогда я подожду ещё немного.

— Сколько?

— Пока не пойму, что ждать больше нечего.

Они замолчали. Ветер выл в стенах, где-то далеко капала вода, и Глухарь стоял внизу, прижав ладонь к стене, и слушал землю. Он слушал всегда. Он не спал, пока они спали. Он был их совестью. Их ушами. Их последней надеждой.

— Ты боишься? — спросила Лайла.

— Да, — ответил Алекс. — Не смерти. Боюсь, что не успею. Боюсь, что приду, а там уже ничего не будет. Ни тела. Ни следов. Ни надежды.

— А если он жив?

— Тогда я вытащу его, — ответил Алекс, и в его голосе зазвучала сталь. — Даже если придётся пройти через всю цитадель. Даже если придётся убить Барона голыми руками. Даже если это будет стоить мне жизни.

Лайла посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах — голубых, почти прозрачных — была не только тревога, но и что-то другое. Гордость? Страх? Любовь? Алекс не знал. Он никогда не умел читать чужие чувства. Только свои. И то — не всегда.

— Ты глупый, — сказала она. — Идиот. Герой, который не боится умереть.

— Боюсь, — ответил Алекс. — Но не показываю. Это моя работа.

Она вздохнула, прижалась плечом к его плечу, и они сидели так — молча, глядя на север, в темноту, в неизвестность.

13.

Глухарь подал сигнал в полночь.

Один длинный, два коротких, один длинный — «Вибрации. С севера. Один человек. Живой. Медленно».

Алекс вскочил, как ужаленный. Сердце заколотилось где-то в горле, кровь прилила к лицу, руки задрожали — не от страха, от надежды.

— Валет? — спросил он, хотя знал, что Глухарь не может ответить.

Глухарь покачал головой. Показал жест: два пальца, сложенные вместе, потом отрицание.

«Не Валет. Другой. Не наш. Чужой».

Алекс выдохнул. Воздух вышел со свистом — он не заметил, как задержал дыхание.

— Чужой, — повторил он. — С севера. Один. Идёт к нам.

Глухарь кивнул. Показал жест: «Медленно. Усталый. Без оружия. Не агрессия. Страх».

— Беженец, — сказал Алекс. — Ещё один.

Он спустился со стены, подошёл к воротам. В серой мгле пустоши, на границе видимости, двигалась фигура. Худой, бледный, с растрёпанными волосами и пустыми, белыми глазами. На лбу — чёрная, пульсирующая метка.

Он подошёл к воротам, опустился на колени.

— Ты — Алекс, — сказал он. — Я слышал твой голос. Ты звал меня. Я пришёл.

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь, и чёрная кровь проступила на бинтах.

— Я не звал тебя, — сказал он. — Но ты можешь остаться. Если будешь работать.

Человек поднял голову. Его глаза — белые, пустые — смотрели на Алекса с благодарностью.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не благодари, — ответил Алекс. — Выживешь — расквитаешься.

Он махнул рукой. Ворота открылись. Человек вошёл в форт.

Интерфейс выдал:

Беженцы: +1. Всего в клане — 47 человек.

Психоэмоциональный след: 29% → 30% (рост).

Предупреждение: порог 30% — начало формирования культа.

Алекс выключил уведомление. Он не хотел знать. Он хотел только одного — чтобы Валет вернулся.

14.

Вертлявый — один из охранников, которых Кремень поставил на ночное дежурство, — подошёл к Алексу, когда тот вернулся на стену.

— Алекс, — сказал он, и его голос дрожал. — Я хочу спросить.

— Спрашивай, — ответил Алекс, не оборачиваясь.

— А если Валет предал? Если он сейчас сидит у Барона и рассказывает всё, что знает? Что тогда?

Алекс повернулся. Посмотрел на Вертлявого долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда я убью его, — сказал Алекс. — Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели.

— А если он не предал? Если он просто не может вернуться?

— Тогда я вытащу его, — ответил Алекс. — Даже если придётся пройти через всю цитадель.

Вертлявый помолчал. Потом спросил:

— А ты уверен, что он не предал?

— Уверен, — ответил Алекс. — Потому что если я не буду уверен, я никогда не смогу посмотреть в глаза Лайле. Шраму. Косому. Девочке с камнем. Они верят в него. Я не имею права разрушать их веру.

Вертлявый кивнул, развернулся и ушёл.

Алекс остался один.

Часть пятая. Сон и явь

15.

Алекс не помнил, как уснул. Провалился — как в чёрную, ледяную воду, как в коллектор, как в смерть.

И сразу же — сон.

Он стоял на пустоши. Пустошь была серой, бесконечной, пустынной. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом. Впереди, на горизонте, высилась стена — чёрная, высокая, с колючей проволокой и бойницами. Цитадель.

К стене шёл человек. Худой, бледный, в чёрной одежде. Валет.

Алекс хотел крикнуть, но не мог. Голос пропал — как будто кто-то вырвал его горло, как будто он проглотил пепел, как будто он уже был мёртв.

Валет подошёл к воротам. Ворота открылись — медленно, со скрипом, от которого эхо разнеслось по пустоши. За воротами была тьма. Чёрная, густая, пульсирующая.

Валет шагнул в тьму.

И исчез.

Алекс побежал. Ноги не слушались — они были ватными, слабыми, почти нечувствительными. Земля уходила из-под ног, пустошь тянулась, как резина, как патока, как время в предсмертном сне. Он бежал, но стена не приближалась. Она удалялась. Она таяла в серой мгле, как мираж, как сон, как надежда.

— Валет! — закричал Алекс, и его голос — наконец-то — вырвался наружу. — Валет, вернись!

Тишина.

Только ветер выл в стенах, только пепел падал с неба, только где-то далеко капала вода — мерно, монотонно, как секундная стрелка часов, отсчитывающих время до смерти.

Вдруг тьма за воротами зашевелилась. Из неё вышли фигуры. Много фигур. Они были чёрными, бесформенными, с пустыми глазами, которые горели, как угли, как звёзды, как маяки смерти.

Они окружили Алекса. Он сжал «Рассекатель» — клинок пульсировал красным, но не резал тьму. Она была непроницаемой, как бетон, как сталь, как сама смерть.

— Ты не спасёшь его, — сказала одна из фигур. Голос её был тихим, спокойным, почти ласковым — как у Пророка. — Он уже наш. Он уже часть тьмы. Ты тоже станешь частью. Скоро. Очень скоро.

Алекс ударил.

Клинок прошёл сквозь фигуру, как сквозь дым. Она рассыпалась, но на её месте появились две. Две — четыре. Четыре — восемь.

— Ты не можешь убить тьму, — сказала другая фигура. — Ты можешь только стать ей.

Алекс проснулся в холодном поту.

Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, правая рука — чёрная, когтистая — впилась в бинты, разрывая их, выпуская чёрную кровь.

Глухарь стоял у входа, прижав ладонь к стене, и его лицо было напряжённым — напряжённым, как у человека, который слышит то, чего не должны слышать люди.

Он показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак.

«Ничего. Тишина. С севера — ни шагов, ни вибраций, ни жизни».

Алекс вытер пот со лба. Встал. Подошёл к окну.

Рассвет начинал сереть на востоке. Серый, бледный, почти бессильный.

— Сегодня, — прошептал он. — Сегодня я иду.

Он сжал в левой руке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Держись, Валет, — подумал Алекс. — Я иду».

16.

Шрам ждал его внизу, у лестницы.

Он стоял, прислонившись к стене, сжимая тесак, и его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными. Повязка на боку промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы. Но он не обращал внимания. Боль была его старым другом.

— Ты идёшь, — сказал Шрам. Это был не вопрос.

— Иду, — ответил Алекс. — Если к полудню не будет вестей.

— Я собрал отряд, — сказал Шрам. — Косой, Клык, Волна, я. Пятеро. Хватит, чтобы пройти через пустошь, и достаточно мало, чтобы не привлекать внимания.

— Кремень остаётся в форте, — сказал Алекс. — Лена — тоже. Архивариус — на связи. Лайла — в медотсеке. Если мы не вернёмся через три дня...

— Вернётесь, — перебил Шрам. — Не смей говорить «если».

Алекс посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда готовься. Выходим в полдень.

Эпилог. Глаза из темноты

17.

Где-то на севере, в цитадели «Железного кулака», Валет сидел на нарах в казарме и смотрел в потолок. Паутина покачивалась от сквозняка, и где-то далеко слышались крики — пьяные, злые, одинокие.

Он был жив.

Руки его не дрожали. Глаза — чёрные, пустые — смотрели в никуда, но видели всё. В кармане лежал стальной зуб — подарок Алекса. Под курткой — «Когти Ворона». На поясе — ножи.

Он ждал.

Коготь дал сигнал — едва заметный кивок в коридоре, когда патруль отвлёкся. «Завтра. Ночь. Западные ворота».

Валет не спал. Он не мог спать. Слишком многое было поставлено на карту.

Он думал о форте. Об Алексе, который, наверное, уже готовил отряд. О Лайле, которая, наверное, перевязывала чью-то рану и молилась, чтобы бинтов хватило. О Шраме, который, наверное, стоял на стене и сжимал тесак. О девочке с камнем, которая, наверное, спала и видела сны, в которых не было Воронки.

Он думал о Когте. О том, что лейтенант — не дурак. Он проверит. Он убедится, что Валет не шпион. Он потребует доказательств. И тогда Валет должен будет сделать выбор — убить Когтя и попытаться сбежать, или довериться ему и рискнуть всем.

Он думал о Бароне. О том, что тот, возможно, уже знает. Возможно, ждёт. Возможно, западные ворота — ловушка. Возможно, Коготь — приманка.

Но выбора не было. Только идти вперёд. Только верить. Только надеяться.

«Держитесь, — подумал Валет. — Я скоро вернусь».

Он закрыл глаза. Заснул — чутко, одним ухом слушая казарму, другим — пустошь, третьим — своё сердце, которое билось ровно, спокойно, как у человека, который знает, что делает.

18.

А в форте, за много километров от него, девочка с камнем проснулась от того, что ей приснился сон.

В её сне Валет шёл по пустоши. Не один — рядом с ним шёл человек в чёрном плаще. Лица его она не видела — только тень, только тьму, только пустоту.

Она не испугалась. Она взяла свой камень — гладкий, тёплый — и сжала его в кулаке.

— Он вернётся, — сказала она пустоте. — Он обещал.

ИТОГ ГЛАВЫ 41

Ключевые события:

• Ожидание Валета — 44 часа без связи.
• Совет капитанов: Алекс принимает решение готовить отряд и ждать ещё сутки.
• Рост числа беженцев с метками (+2) — психоэмоциональный след Пророка достигает 30% (начало формирования культа).
• Косой вызывается идти на север. Лена остаётся в форте.
• Разговор Алекса с Лайлой — признание страха и решимости.
• Тревожный сон Алекса — символический образ Валета, уходящего в тьму.
• Глухарь не чувствует Валета, но подтверждает жизнь (отсутствие яда).
• Алекс решает идти в полдень, если вестей не будет.
• В эпилоге — Валет жив, ждёт сигнала Когтя. Девочка с камнем видит пророческий сон.

Развитие персонажей:

• Алекс — на пределе, но сохраняет контроль, готов идти сам.
• Лайла — моральный якорь, готовит аптечки, верит в возвращение Валета.
• Косой — преодолел страх, готов умереть за клан.
• Шрам — несмотря на ранение, настаивает на участии в походе.
• Архивариус — боится, но подчиняется решению лидера.
• Глухарь — инструмент бессилия, не может помочь.
• Валет — жив, ждёт, готов к действию.
• Девочка с камнем — символическая фигура надежды.

Потери:

• 0.

Интеграция Алекса:

• 62% → 62.5% (стресс, бессонница).

Новые угрозы:

• Культ Алекса среди беженцев начинает оформляться (порог 30%).
• Отсутствие связи с Валетом — риск провала внедрения.

Ближайшие задачи:

• Ждать ещё полдня.
• Если Валет не вернётся — Алекс идёт на север с отрядом (глава 42).
• Подготовка к возможному штурму цитадели.

ГЛАВА 42. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАЛЕТА

Часть первая. Последний час перед выходом

1.

Рассвет над фортом «Нулевых» был серым, как старая, выцветшая ткань, которую стирали в мутной воде до тех пор, пока она не перестала быть белой, но так и не стала чёрной. Алекс стоял на северной стене, там, где обычно стоял Глухарь, и смотрел в серую мглу пустоши. Ветер дул с севера, холодный, колючий, неся с собой запах дыма, который не обманывал — где-то там, за горизонтом, «Железный кулак» жёг свои костры, варил похлёбку для сорока ртов, точил ножи и, возможно, уже знал, что его разведчик исчез, а значит — что он раскрыт.

Интерфейс пульсировал перед глазами, отсчитывая не время до приступа — часы до того момента, когда он должен был принять решение. Алекс смотрел на цифры, и они казались ему чужими. Не потому, что он их не понимал — потому что понимал слишком хорошо.

[Время с момента ухода Валета: 47 часов 12 минут]
[Связь: потеряна]
[Интеграция: 62.5%]
[Психоэмоциональный след: 30%]
[Автономный режим: активен. Последний приступ: 8 часов назад]
[Рекомендация: подготовить отряд для разведки. Ожидание более 48 часов критически снижает шансы на возвращение агента.]

Сорок семь часов. Почти двое суток. Алекс провёл пальцем левой руки по шершавому бетону парапета, и мелкая крошка осыпалась вниз, в темноту, где ещё спали люди, не зная, что через три часа их лидер, возможно, уйдёт на север, чтобы никогда не вернуться. Он считал не минуты — он считал удары своего сердца. Каждый удар приближал его либо к смерти, либо к свободе. Но свобода была не для него. Свобода была для тех, кто останется.

Правая рука — чёрная, замотанная в свежие бинты, которые Лайла наложила перед рассветом, — лежала на парапете. Когти царапали бетон, оставляя тонкие, белые царапины, похожие на следы от когтей огромной кошки. Алекс чувствовал, как вены пульсируют в такт его сердцу, как под кожей движется что-то чужое, живое, голодное. Он сжал кулак — когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь — густая, тяжёлая, пахнущая озоном — проступила на ткани, оставляя тёмные, почти незаметные пятна.

Боль была острой, привычной. Она напоминала ему, что он ещё жив.

Он подумал о том, как Валет уходил. Стоял у ворот, молчаливый, как всегда, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который идёт на прогулку, а не в логово врага. Алекс протянул ему стальной зуб — маленький, холодный, с едва заметными царапинами. Валет взял, посмотрел, кивнул. Не сказал ни слова. Просто ушёл. Растворился в серой мгле, как капля воды в океане, как тень среди теней, как сон, который забываешь через секунду после пробуждения.

«Он вернётся, — думал Алекс тогда. — Он всегда возвращается».

Теперь он не был так уверен.

2.

Внизу, во дворе форта, уже начали просыпаться.

Лайла стояла у котла, разливая похлёбку по мискам, и её лицо было бледным, под глазами залегли глубокие тени — она не спала ещё больше, чем он, готовя аптечки, пересчитывая ампулы, проверяя дозы обезболивающего, которые таяли с каждым днём, как лёд под весенним солнцем. Волосы её, короткие, тёмные, были зачёсаны назад, открывая высокий, бледный лоб с тонкими, почти незаметными морщинами. Она выглядела старше своих лет — Воронка старила всех, но медиков особенно. Каждая смерть, которую она не могла предотвратить, оставляла след. Каждая жизнь, которую она спасала, забирала часть её самой.

Рядом с ней стояла Вера — женщина с ребёнком, которую они привели из лагеря «Ткачей». Вера помогала разливать похлёбку, её лицо было бледным, но глаза — серыми, усталыми — смотрели на беженцев с жалостью и страхом. Её ребёнок — девочка лет трёх, с огромными серыми глазами и тонкими, как спички, руками — сидела у её ног, сжимая пустую миску, и смотрела на Алекса снизу вверх. В её взгляде не было страха. Было любопытство. И надежда.

Беженцы — их было уже сорок семь, включая тех, кто пришёл за последние сутки, — сидели вдоль стен, прижавшись друг к другу для тепла. Некоторые смотрели на Алекса с надеждой, смешанной со страхом. Другие — с пустотой, которая была страшнее любой ненависти.

Глаза некоторых были белыми, как у смотрящего, с едва заметными чёрными метками на лбах — остаточная энергия Пророка, которая ещё не рассеялась. Интерфейс называл это «психо-эмоциональным следом» и предупреждал, что рост числа беженцев с метками может привести к усилению «веры» в Алекса как в нового Пророка.

Алекс не хотел быть Пророком. Он хотел быть человеком, который делает то, что должен. Даже если это больно. Даже если это страшно. Даже если это убьёт его.

Старик — тот, что привёл первых беженцев к воротам, — сидел на камне, опираясь на палку, и его лицо было бледным, но глаза — белыми, пустыми — смотрели на Алекса без страха. Без надежды. Без ничего. Только пустота и слабая, едва уловимая пульсация чёрной метки на лбу.

Он поднял голову, посмотрел на Алекса долгим, тяжёлым взглядом. Потом сказал:

— Ты не спишь, Алекс. Всё смотришь на север. Ждёшь. Твой разведчик не вернулся. Ты боишься, что он предал. Или что его убили. Я прав?

— Прав, — ответил Алекс, не оборачиваясь. Голос его был спокойным — спокойным, как у человека, который уже принял решение и теперь просто ждёт, когда его услышат. — Ты знаешь, что такое ждать?

— Знаю, — старик усмехнулся — сухо, безрадостно, одними уголками губ. — Я ждал Пророка десять лет. Он не вернулся. Потому что ты убил его. Теперь я жду тебя. Жду, когда ты скажешь, что мы можем остаться. Что мы не умрём. Что ты не выгонишь нас.

— Вы останетесь, — сказал Алекс. — Я обещал. Я держу слово.

— А если ты умрёшь? — спросил старик, глядя ему прямо в глаза. — Если твой разведчик предал и Барон нападёт? Если твоя чёрная рука сожрёт тебя изнутри? Кто тогда будет держать слово?

— Тот, кто останется, — ответил Алекс. — Шрам. Лайла. Архивариус. Тот, кто возьмёт на себя ответственность. Тот, кто не бросит.

— А если они тоже умрут?

Алекс посмотрел на старика долгим, тяжёлым взглядом. Потом ответил:

— Тогда вы будете держать слово сами. Своими руками. Своими ножами. Своей верой. Не в бога — в себя. Этого достаточно. Этого всегда было достаточно.

Старик помолчал. Потом кивнул.

— Мы будем ждать, — сказал он. — Как ты. Как все. До конца.

3.

Шрам поднялся на стену через час.

Он шёл медленно, опираясь на тесак, как на посох, и его лицо было бледным, но глаза — коричневыми, усталыми, с красными прожилками — горели. Повязка на боку промокла насквозь — кровь сочилась из раны, несмотря на антисептик и швы. Левый бок, где старая травма напоминала о себе при каждом движении, ныл тупой, ноющей болью, но Шрам не обращал внимания. Боль была его старым другом. Она напоминала ему, что он ещё жив.

— Ты идёшь, — сказал Шрам, останавливаясь рядом. Это был не вопрос — утверждение.

— Иду, — ответил Алекс, не отрывая взгляда от горизонта. — Если к полудню не будет вестей.

— Я собрал отряд, — сказал Шрам. — Косой, Клык, Волна, я. Пятеро. Хватит, чтобы пройти через пустошь, и достаточно мало, чтобы не привлекать внимания.

— Кремень остаётся в форте, — сказал Алекс. — Лена — тоже. Архивариус — на связи. Лайла — в медотсеке. Если мы не вернёмся через три дня...

— Вернётесь, — перебил Шрам. — Не смей говорить «если».

Алекс посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда готовься. Выходим в полдень.

Шрам хотел уйти, но остановился. Его единственный глаз сузился.

— Ты веришь, что он жив? — спросил он.

— Верю, — ответил Алекс. — Потому что если я не буду верить, я никогда не смогу посмотреть в глаза Лайле. Косому. Девочке с камнем. Они верят в него. Я не имею права разрушать их веру.

Шрам кивнул. Развернулся и пошёл вниз, хромая, опираясь на тесак, и его фигура медленно растворилась в сером свете утра.

4.

Лайла нашла Алекса в медотсеке через два часа.

Он сидел на краю койки, сняв куртку, и смотрел на свою правую руку. Бинты были смотаны до локтя, обнажая чёрную, пульсирующую кожу. Когти торчали из пальцев, как иглы, как клыки, как осколки Нулевого объекта, и вены вздулись, пульсировали в такт сердцу, как черви, как корни, как живая плоть, которая пыталась прорваться наружу.

Лайла села рядом, взяла его руку в свои. Её пальцы были холодными, тонкими, с обломанными ногтями, но нежными. Она провела по чёрной коже, ощупывая вены, проверяя, нет ли новых трещин, новых разрывов, новых признаков того, что интеграция ускорилась.

— Ты не спал, — сказала она. Это был не вопрос — утверждение.

— Не мог, — ответил Алекс. — Каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу Валета. Он идёт по пустоши. За ним — стена. Чёрная, высокая, с колючей проволокой. Он подходит к воротам, и они открываются. А за воротами — тьма.

— Ты боишься, что он мёртв?

— Боюсь, что он жив, но не может вернуться. Боюсь, что его пытают. Боюсь, что он принял яд, но яд не сработал, и теперь он говорит. Говорит всё, что знает. О форте. О нас. О тебе.

Лайла покачала головой. Её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Яд сработает, — сказала она. — Я проверяла. На крысах. На себе. На Шраме. Он надёжный.

— Ты проверяла на Шраме? — Алекс поднял бровь.

— Он согласился, — ответила Лайла, и в её голосе впервые за долгое время мелькнуло что-то, похожее на улыбку. — Сказал, что если яд не сработает, он сам себя убьёт. Тесаком. Так надёжнее.

Алекс усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ.

— Шрам — дурак.

— Шрам — солдат, — ответила Лайла. — Солдаты не боятся смерти. Они боятся, что их смерть будет напрасной. Я дала Валету шанс умереть без боли. Если он принял яд — он не мучается. Если не принял — значит, надеется.

— На что?

— На нас, — ответила Лайла. — На то, что мы придём. На то, что мы не бросим. На то, что мы спасём его.

Она замолчала, потом добавила тише, почти шёпотом:

— Ты пойдёшь за ним. Я знаю. Ты уже решил. Ты просто ждёшь, когда сможешь сказать себе, что ждал достаточно долго.

Алекс посмотрел на неё. На её бледное лицо, на её голубые глаза, на её руки, которые всё ещё держали его чёрную, пульсирующую руку. Она была права. Она всегда была права.

— Завтра, — сказал он. — Если к завтрашнему утру не будет вестей — я пойду.

— Сегодня, — поправила Лайла. — Ты хотел сказать «сегодня». Полдень уже через три часа.

Алекс посмотрел на интерфейс. Время с момента ухода Валета: 48 часов 22 минуты.

— Сегодня, — согласился он. — В полдень.

Лайла вздохнула. Она встала, взяла медицинский модуль, проверила ампулы, бинты, шприцы.

— Я приготовила аптечку, — сказала она. — Для тебя. Для Валета. Для всех, кто пойдёт с тобой.

Она протянула ему маленький, кожаный мешочек — такой же, какой дала Валету перед выходом. Алекс взял, взвесил на руке. Мешочек был тяжёлым — внутри что-то звенело, перекатывалось, стучало о стенки.

— Антидот, — сказала Лайла, показывая на флакон. — Кровоостанавливающее. Обезболивающее. Всё, что может понадобиться.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Не благодари, — ответила Лайла. — Выживешь — расквитаешься.

Часть вторая. Предупреждение

5.

Глухарь подал сигнал за час до выхода.

Один короткий, два длинных, один короткий — «Вибрации. С севера. Один человек. Живой. Быстрый».

Алекс вскочил, как ужаленный. Сердце заколотилось где-то в горле, кровь прилила к лицу, руки задрожали — не от страха, от надежды.

— Валет? — спросил он, хотя знал, что Глухарь не может ответить.

Глухарь покачал головой. Показал жест: два пальца, сложенные вместе, потом отрицание.

«Не Валет. Не наш. Чужой. Но...», — он замолчал, замер, прижал ладонь к стене сильнее, закрыл глаза. Его лицо исказилось — не страхом, чем-то другим. Тем ужасом, который приходит, когда сталкиваешься с тем, что не укладывается в привычную картину мира.

Потом он открыл глаза — неестественно светлые, почти белые — и показал новый жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом указательный палец вверх, потом сжатие в кулак, потом — три пальца, сложенные вместе, и резкое движение в сторону.

«Вибрации странные. Не ритмичные. Как будто... два сердцебиения в одном теле. Или одно, но сбитое. Он не наш. Но он несёт что-то наше».

— Что значит «несёт что-то наше»? — спросил Алекс.

Глухарь покачал головой. Он не знал. Он мог только чувствовать.

Алекс спустился со стены, подошёл к воротам. Шрам уже был там, сжимая тесак, и его лицо было бледным, но глаза — живыми, острыми. Косой стоял рядом, сжимая нож, и его руки не дрожали. Клык замер с арбалетом, целясь в серую мглу. Волна сидела на корточках, перебирая метательные ножи.

— Чужой, — сказал Алекс, отвечая на невысказанный вопрос Шрама. — Один. Идёт быстро. Глухарь говорит, вибрации странные. Как будто два сердцебиения в одном теле.

— Предатель? — спросил Клык, не опуская арбалета.

— Или беженец, — ответил Алекс. — Или посыльный. Или ловушка. Узнаем, когда подойдёт ближе.

6.

Фигура появилась через десять минут.

Она двигалась быстро — быстрее, чем обычный человек в пустоши. Не бежала — скользила, как тень, как призрак, как сама смерть, которая не спешит, потому что знает: жертва никуда не денется. Алекс активировал «Оценку», но интерфейс долго не давал результата — помехи, искажения, что-то мешало системе распознать биосигнал.

[Обнаружены помехи. Источник: остаточная Нулевая энергия. Нестабильный сигнал.]

— Остаточная энергия, — прочитал Алекс вслух. — Как у беженцев с метками.

— Или как у «чистильщиков», — добавил Шрам. — Или как у того, кого пытали артефактами.

Фигура приблизилась на расстояние выстрела из арбалета, и Клык напрягся, пальцы легли на спусковой крючок.

— Не стреляй, — сказал Алекс. — Пусть подойдёт ближе.

Фигура подошла. И Алекс увидел.

Это был Валет.

Но он выглядел иначе — страшно, пугающе иначе. Его лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках, с чёрными, запёкшимися пятнами крови на щеках и лбу. Глаза — чёрные, пустые, с красными прожилками — смотрели на Алекса без страха. Без надежды. Без ничего. Только пустота и слабая, едва уловимая пульсация.

Одежда была рваной, грязной, прожжённой в нескольких местах — следы от огня, от кислоты, от чего-то ещё, что Алекс не хотел опознавать. Левая рука висела плетью — вывихнута или сломана. На правой — «Когти Ворона». Но один коготь был вывернут, лезвие сломано, металлические накладки покрыты трещинами. Артефакт не пульсировал — он был мёртв. Или спящий. Или сломанный настолько, что даже его артефактная природа не могла восстановиться.

И — на затылке, за левым ухом, запёкшаяся, чёрная корка. Кровь. И что-то ещё — металлический блеск в глубине раны, едва заметный, но отчётливый.

Валет сделал ещё несколько шагов и упал на колени.

— Валет! — крикнул Алекс, бросаясь к нему.

— Стой, — прошептал Валет, поднимая руку. Его голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил, не говорил и, возможно, уже не надеялся, что его услышат. — Не подходи. Я... могу быть опасен. Они вживили... вживили мне в голову... штуку. Она блокирует интерфейс. И... и подавляет волю. Я не знаю, как она работает. Я не знаю, кто я сейчас. Не подходи.

Алекс замер. Он смотрел на Валета — на его бледное лицо, на его чёрные глаза, на его сломанный артефакт, на рану на затылке, из которой торчал край металлической пластины, похожей на старую, ржавую монету.

— Я не боюсь, — сказал Алекс. — Я — «Нулевой». «Нулевые» не боятся.

Он шагнул вперёд. Шаг, второй, третий. Остановился в метре от Валета, опустился на корточки, посмотрел ему в глаза.

— Ты — Валет, — сказал Алекс. — Ты — капитан разведки. Ты — моя тень. Ты вернулся. Это главное. Всё остальное — лечится. Или не лечится. Посмотрим.

Валет смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах — чёрных, пустых — мелькнуло что-то, похожее на надежду. Или на её подобие.

— Ты дурак, — прошептал он. — Идиот. Герой, который не боится умереть.

— Боюсь, — ответил Алекс. — Но не показываю. Это моя работа.

Он подхватил Валета под руку — левую, здоровую — и помог подняться. Валет пошатнулся, опираясь на него, и его лицо исказилось от боли — не от той, физической, которая проходит, а от той, которая остаётся навсегда, когда перестаёшь быть тем, кем был.

— Ворота открыть! — крикнул Алекс, не оборачиваясь.

Ворота открылись. Они вошли в форт.

Часть третья. Вскрытие гнойника

7.

Медотсек был погружён в полумрак. Лайла выключила верхний свет, оставив только аварийные лампы — их тусклый, желтоватый свет падал на стены, на инструменты, на лицо Валета, которое казалось ещё бледнее, ещё прозрачнее, ещё мертвее, чем за стенами форта.

Алекс уложил Валета на койку, и тот не сопротивлялся — он лежал на спине, сжимая сломанные «Когти Ворона» в правой руке, и его глаза были открыты, но смотрели в потолок, в одну точку, не моргая.

Лайла подошла, взяла его за руку — левую, здоровую — проверила пульс. Пульс был частым, поверхностным — сто двадцать ударов в минуту, может быть, больше. Давление — низкое. Температура — высокая. Инфекция. Или яд. Или и то, и другое.

— Раздевайте его, — сказала Лайла, не оборачиваясь. — Мне нужно осмотреть рану на затылке.

Алекс и Шрам осторожно сняли с Валета куртку. Она была рваной, грязной, прожжённой в нескольких местах — следы от огня, от кислоты, от чего-то ещё, что не оставляло обычных ожогов. Под курткой — чёрная, обгоревшая ткань рубашки. Под рубашкой — тело. Бледное, худое, с множеством старых шрамов — следы ножей, когтей, артефактов. И новые — свежие, красные, воспалённые. Следы пыток.

— Их было трое, — сказал Валет, не глядя на них. — Коготь привёл их. Он сказал: «Извини, парень, но бизнес есть бизнес». Я не ответил. Я знал, что он боится. Он боялся Барона больше, чем меня. Барон сказал: «Узнай, как работает его чёрная рука. Как он управляет интеграцией. Или убей». Они пытали меня двое суток. Не ножами — током. Ультразвуком. Вживили в голову... штуку. Она блокирует интерфейс. И... и подавляет волю. Я не мог... не мог использовать «Когти». Не мог думать. Я только помнил. Помнил форт. Помнил вас. Помнил её.

— Кого? — спросила Лайла, разрезая ножницами рубашку на его груди.

— Девочку с камнем, — ответил Валет, и его голос дрогнул — впервые за долгое время. — Она сказала: «Ты вернёшься». Я поверил. Я не знаю почему. Я никогда никому не верил. А ей — поверил.

Лайла осмотрела рану на затылке. Корка крови была толстой, чёрной, с зелёными прожилками — инфекция. Под коркой — металлическая пластина, размером с монету, вживлённая в череп. Края пластины были острыми, неровными — её вбивали, а не вживляли хирургически.

— Это не медицинский имплант, — сказала Лайла, выпрямляясь. — Это... я не знаю, как это назвать. «Глушилка». Кусок свинца с остаточной Нулевой энергией. Она блокирует интерфейс. И, возможно, подавляет волю. Я видела такое только в записях Хана. Он называл их «собачьими ошейниками». Для тех, кого хотели превратить в послушных убийц.

— Можно вытащить? — спросил Алекс.

— Можно, — ответила Лайла. — Но если я ошибусь на миллиметр — он умрёт. Или потеряет память. Или перестанет быть собой. Выбор за тобой.

— Не за мной, — ответил Алекс. — За ним.

Валет закрыл глаза. Потом открыл. Посмотрел на Алекса, на Лайлу, на Шрама.

— Тащите, — сказал он. — Всё равно умирать. Лучше сразу, чем медленно.

8.

Операция длилась два часа.

Лайла работала скальпелем, зажимами, иглами, и её руки — тонкие, бледные, с обломанными ногтями — двигались быстро, профессионально, без лишних движений. Алекс держал Валета за руку, чувствуя, как его пальцы холодеют, как пульс замедляется, как дыхание становится ровнее. Шрам стоял у входа, сжимая тесак, и его лицо было бледным, но глаза — живыми, сосредоточенными.

Глухарь прижал ладонь к стене медотсека и слушал — не вибрации земли, вибрации тела Валета. Его сердцебиение, его дыхание, его боль. Иногда он показывал жест — «чисто», «ровно», «жив», — и Лайла продолжала.

Пластина была извлечена через час. Она лежала на стерильной салфетке — маленькая, круглая, с выцарапанными символами, похожими на те, что были на лбах беженцев. Чёрная, пульсирующая тусклым фиолетовым светом. Остаточная энергия. Враждебная. Чужая.

— Что это? — спросил Алекс, глядя на пластину.

— Ключ, — ответил Архивариус, входя в медотсек. Он держал в руке планшет Хана, и его лицо было бледным, но глаза — серыми, усталыми — горели. — Или замок. Или и то, и другое. Это экспериментальный прототип. Хан создавал такие, чтобы контролировать «Молчаливых». Вживлял в затылок, подключал к интерфейсу. Они становились послушными. Не думали. Не

сомневались. Не предавали. Барон, видимо, нашёл записи Хана. Или кого-то, кто умеет их читать.

— Барон не учёный, — сказал Шрам. — Он — солдат. Кто-то работает на него. Кто-то, кто знает об осколках больше, чем мы.

— Уголь? — предположил Алекс.

— Или Мадам, — ответил Архивариус. — Или кто-то третий. Неважно. Важно, что теперь у нас есть образец. Я могу изучить его. Может быть, найти способ блокировать такие штуки. Или использовать их против врага.

Он взял пластину пинцетом, положил в маленький, свинцовый контейнер — тот, в котором Хан хранил самые опасные осколки. Контейнер щёлкнул, запечатался.

— Я начну сегодня же, — сказал Архивариус. — Если повезёт — через неделю будет прототип. Если нет — через месяц. Если нет вообще — значит, не судьба.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. В щель сочился тусклый свет из коридора — серый, умирающий, как день за окнами форта.

9.

Валет пришёл в себя через час.

Он открыл глаза — чёрные, пустые, но уже не такие мёртвые, как раньше. Посмотрел на потолок, на стены, на Лайлу, которая сидела рядом, на Алекса, который стоял у окна.

— Жив, — сказал он. Голос его был слабым, хриплым, но в нём слышалась та самая сталь, которая всегда была в нём, даже когда он молчал. — Не дождались.

— Не дождались, — ответил Алекс, поворачиваясь. — Ты — «Нулевой». «Нулевые» не умирают. Они выживают. Или умирают, пытаясь. Но не сдаются. Ты сам меня этому учил.

— Я тебя ничему не учил, — ответил Валет. — Ты просто смотрел и повторял. Как обезьяна. Но это сработало.

Алекс усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ.

— Рассказывай, — сказал он, садясь на стул напротив. — Что в цитадели? Что с Бароном? Что с Когтем? Что с «Чистильщиками»? Всё, что помнишь. Всё, что не забыл.

Валет помолчал. Собрался с мыслями. Потом заговорил — медленно, с паузами, как человек, который учится говорить заново.

Часть четвёртая. Показания

10.

— Цитадель, — начал Валет, — это не крепость. Это тюрьма. Барон держит своих людей на голодном пайке, на страхе, на ненависти. Они не любят его. Они боятся его. Но они не предадут, пока есть надежда на лучшее. А надежды нет. Еда кончается. Через девять дней — голод. Через десять — бунт. Барон знает это. Поэтому он ищет осколки. Поэтому он нанял «Чистильщиков». Поэтому он пытал меня. Он хочет не силу — контроль. Контроль над людьми. Контроль над интеграцией. Контроль над страхом.

— Коготь? — спросил Шрам. — Предал?

— Коготь — трус, — ответил Валет, и в его голосе зазвучало презрение — не к врагу, к себе. Я не заметил. Я думал, он клюнул. А он просто проверял. Он привёл меня к Барону, когда я сказал, что готов говорить. Он получил свою награду. Долю. Должность. И, возможно, мою смерть. Я не знаю. Я не хочу знать. Я хочу только одного — чтобы он заплатил.

— Заплатит, — сказал Алекс. — Но не сейчас. Сначала — информация.

Валет закрыл глаза. Открыл снова.

— Слабое место цитадели — западная стена. Там есть старый дренажный туннель. Он ведёт прямо во внутренний двор. Барон не знает о нём — или знает, но не охраняет, потому что туннель завален. Но завал можно разобрать за пару часов. Я запомнил, где какие камни, где арматура, где вода. Я могу нарисовать схему.

— Расписание караулов? — спросил Архивариус, входя в медотсек с планшетом в руках.

— Помню, — ответил Валет. — Внешнее кольцо — смена каждые четыре часа. Внутреннее — каждые шесть. Ночная смена — половина состава, остальные спят в казармах. Командирский патруль — каждые два часа, три человека, с собакой. Собаку можно обойти с подветренной стороны. Я запомнил маршруты. Все. До последнего шага.

Архивариус подошёл к койке, сел на край, положил планшет на колени.

— Диктуй, — сказал он, открывая файл. — Каждую деталь. Каждое имя. Каждое время. От этого зависит, сможем ли мы ударить первыми. Или будем ждать, пока ударят они.

Валет начал диктовать.

11.

Он говорил два часа.

Голос его то слабел, то крепчал, но он не останавливался. Он называл имена — офицеров, солдат, поваров, даже собак. Называл время — смены, патрули, тихие часы, когда охрана спала или пила. Называл места — арсенал, кухню, казармы, камеры, где держали «Молчаливых» и тех, кто ждал казни. Называл слабые места — старый дренаж, прогнившие стропила в восточной башне, неисправный прожектор на южной стене, который мигал каждые полчаса, создавая слепую зону.

Архивариус записывал всё. Пальцы его бегали по экрану планшета, слова ложились на карту, превращаясь в линии, значки, стрелки. Карта цитадели оживала, становилась детальной, опасной, реальной.

— Расписание караулов, — закончил Валет, когда голос его почти сел. — Я заучил его наизусть. Каждый день. Каждую ночь. Каждую смену. Барон не меняет график — он ленив. Или уверен, что его никто не тронет. Он не знает меня. Он не знает нас. Он не знает, что «Нулевые» — не игрушки.

— Теперь узнает, — сказал Алекс. — Когда мы придём.

Он встал, подошёл к окну. За бронированным стеклом была пустошь — серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом. Где-то там, на севере, его ждал враг. А где-то между — его тень.

— Спасибо, — сказал Алекс, не оборачиваясь.

— Не благодари, — ответил Валет. — Выживу — расквитаюсь.

12.

Шрам подошёл к Алексу, когда тот вышел из медотсека.

— Он не в себе, — сказал Шрам. — Ты видел его глаза? Они стали... другими. Чёрными. Как у смотрящего.

— Видел, — ответил Алекс. — Но он — не смотрящий. Он — Валет. Он вернулся. Это главное. Всё остальное — лечится. Или не лечится. Посмотрим.

— А если не лечится? — спросил Шрам, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало что-то, похожее на страх. — Если он станет таким, как те, кто шёл за Пророком? Если его вера в нас перерастёт во что-то большее? Во что-то, что мы не сможем контролировать?

— Тогда мы будем контролировать то, что сможем, — ответил Алекс. — И будем надеяться, что этого достаточно.

Он повернулся и пошёл в командный центр — анализировать данные, строить планы, готовиться к войне.

Часть пятая. Ночь в форте

13.

Вечером, когда солнце — серое, тусклое, мёртвое — уже клонилось к горизонту, Алекс собрал совет капитанов в столовой.

За длинным столом сидели: Шрам (бледный, с перевязанным боком, сжимающий тесак), Кремень (спокойный, как скала, щит за спиной), Клык (перебирающий арбалетные болты, сломанный мизинец туго замотан тряпкой), Лайла (с медицинским модулем на коленях, лицо бледное, под глазами тени), Архивариус (с картами, с планшетом Хана, с усталыми, но живыми глазами). Глухарь стоял у входа, прижав ладонь к стене, и его лицо было спокойным, но пальцы подрагивали.

Валета не было — он спал в медотсеке, и Лайла сказала, что будить его нельзя. Он нужен был живым, а не мёртвым от истощения.

— Данные, — сказал Архивариус, выводя на экран карту цитадели. — Схема дренажного туннеля. Расписание караулов. Слабые места стен. Всё, что Валет успел запомнить до того, как его схватили. И то, что он узнал во время допросов — Барон не скрывал своих планов. Он уверен, что мы не нападём. Он уверен, что мы боимся. Он уверен, что мы слабы.

— Мы не слабы, — сказал Кремень. — Но нас мало. Сорок бойцов против наших девяти — это не бой. Это резня.

— Поэтому мы не будем нападать, — ответил Алекс. — Мы будем защищаться. Барон не нападёт, пока у него не кончится еда. Через девять дней. Десять, если будет экономить. У нас есть время. Укрепить стены. Научить рекрутов. Найти союзников.

— Союзников? — переспросил Клык. — У нас есть только Барон на севере и Мадам на юге. Один хочет нас убить, другая — использовать. Выбирать не из чего.

— Есть ещё «Ткачи», — сказал Архивариус, и его голос дрогнул. — Точнее, то, что от них осталось. Тридцать человек, разбросанных по пустоши. Без лидера. Без веры. Без цели. Если мы дадим им цель — они пойдут за нами. Не из любви — из страха. Страха перед Бароном. Страха перед Мадам. Страха перед смертью.

— Ты предлагаешь нанять фанатиков? — спросил Шрам.

— Я предлагаю использовать ресурс, — ответил Архивариус. — Они умеют драться. Они не боятся умирать. Им нужно только то, во что можно верить. Если мы дадим им это — они станут нашими солдатами. Если нет — они умрут от голода или станут добычей крыс. Выбирать не из чего. Им — как и нам.

Алекс молчал. Он смотрел на карту, на красные значки цитадели, на зелёные точки форта, на серые пятна неопределённости. Он думал о том, что Купол учил его: «Союзники —

это не друзья. Союзники — это люди, у которых те же враги, что и у тебя. Пока враг жив — вы вместе. Когда он умрёт — вы враги. Не забывай этого».

— Валет должен отдохнуть, — сказал Алекс, поднимаясь. — Завтра — новый день. Завтра — новые решения. Сегодня — победа. Валет вернулся. Это главное. Всё остальное — потом.

Он повернулся и вышел из столовой, не дожидаясь ответа.

14.

Ночью Алекс поднялся на стену.

Небо было чёрным, беззвёздным, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел. Глухарь стоял рядом, прижав ладонь к бетону, и его лицо было спокойным, но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. С севера — тишина. С запада — тишина. С юга — тишина. Только земля гудела ровно, монотонно, как спящий зверь, который наелся и теперь отдыхает, свернувшись калачиком в глубокой, тёплой норе.

Алекс сжал в левой руке камень девочки — гладкий, тёплый, с едва заметными царапинами. Камень был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Купол, — подумал Алекс. — Валет вернулся. Он жив. Он сломан, но жив. Мы вытащили его. Не я — он сам. Он сломал «Когти», чтобы вырваться. Он убил троих охранников голыми руками. Он шёл по пустоши двое суток, с открытой раной на затылке, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на нас. Я не знаю, правильно ли это — надеяться. Я знаю только, что без надежды мы уже были бы мертвы. Все. До одного».

Он закрыл глаза. Открыл.

И остался на стене — ждать рассвета, ждать новых боев, ждать того, что принесёт им Воронка.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

Эпилог. Тень возвращается

15.

В медотсеке, когда все ушли, Валет открыл глаза.

Он лежал на койке, сжимая в правой руке сломанные «Когти Ворона», и смотрел в потолок. Левой рукой он ощупывал повязку на затылке — толстую, плотную, пропитанную ихтиоловой мазью. Под повязкой — пустота. Там, где была пластина, теперь была дыра. Дыра в черепе. Дыра в памяти. Дыра в нём самом.

Он не помнил всего. Пытки, голос Барона, лица палачей — всё смешалось в один чёрный, пульсирующий ком, который иногда вырывался наружу, когда он закрывал глаза. Он помнил только одно — лицо. Лицо девочки с камнем. Её слова: «Ты вернёшься». Он не знал, почему запомнил именно это. Может быть, потому что в Воронке, где все лгут, все предают, все умирают в одиночку, надежда — даже такая, детская, наивная — была единственным, что имело значение.

Он достал из кармана стальной зуб — подарок Алекса. Зуб был холодным, твёрдым, острым. Как память. Как обещание.

«Я вернулся, — подумал Валет. — Я живой. Я сломанный, но живой. Я не знаю, смогу ли я снова быть тем, кем был. Но я попробую. Потому что если я не попробую — я умру. А умирать в Воронке легко. Трудно — жить».

Он закрыл глаза.

Завтра — новый день. Завтра — новые бои. Завтра — новая глава.

А сегодня — сегодня он будет спать. Без сновидений. Без Воронки. Без чёрного шара.

Только тьма. И тишина.

И запах крови — его собственной, чужой, той, что осталась на «Когтях Ворона», которые он сломал, чтобы вырваться на свободу.

Запах, который теперь был его парфюмом.

Запах Тени.

ИТОГ ГЛАВЫ 42: ВОЗВРАЩЕНИЕ ВАЛЕТА

[Ключевые события]

• Алекс готовит отряд для похода на север. Назначен дедлайн — полдень.
• Глухарь чувствует приближение одиночной фигуры с «двойным сердцебиением».
• Валет возвращается в форт тяжелораненым, с имплантом-«глушилкой» в затылке.
• Лайла проводит операцию по извлечению импланта.
• Валет даёт показания: слабое место цитадели (дренаж), расписание караулов, информация о нехватке еды у «Железного кулака» (9-10 дней).
• Архивариус получает экспериментальный прототип «блокиратора».

• Алекс отменяет поход, переносит фокус на оборону и поиск союзников (бывшие «Ткачи»).
• В эпилоге — Валет приходит в себя, размышляет о девочке с камнем.

[Развитие персонажей]

• Валет — сломан физически и ментально, но жив. Его лояльность клану подтверждена (не принял яд, надеялся на возвращение).
• Алекс — на пределе, но сохраняет контроль. Признаётся в страхе.
• Лайла — проводит сложную операцию, моральный якорь клана.
• Шрам — несмотря на ранение, готов идти на север.
• Глухарь — показан как инструмент, чьи способности имеют пределы (не может определить личность).
• Архивариус — получает новый артефакт для изучения.

[Потери]

• Валет: вывихнутая рука, имплант в черепе, истощение, психологическая травма.
• «Когти Ворона»: одно лезвие сломано, артефакт повреждён.

[Интеграция Алекса]

• 62.5% → 63% (эмоциональное потрясение, стресс).

[Новые угрозы]

• Технология «глушилок» — возможность блокировать интерфейс (Барон может использовать это против Алекса).
• Коготь — официально предатель.

[Ресурсы]

• Получено расписание караулов и схема дренажа цитадели.
• Получен экспериментальный образец «блокиратора».

[Ближайшие задачи]

• Восстановление Валета (3-5 дней).
• Анализ «блокиратора» Архивариусом.
• Подготовка обороны форта (укрепление стен, обучение рекрутов).
• Вербовка бывших «Ткачей» как потенциальных союзников.

Конец главы 42.

ГЛАВА 43. ПЕРЕГОВОРЫ С ПРЕДАТЕЛЕМ

Часть первая. Час перед выходом

1.

Алекс не помнил, когда спал в последний раз.

Сознание выпадало кусками — как страницы из вырванного дневника, которые ветер разносит по пустоши, и ты никогда не соберёшь их заново. Сначала он стоял на стене, глядя на север, и считал минуты до встречи с предателем. Потом — сидел в командном центре, положив ноги на пульт Архивариуса, и смотрел, как старик водит пальцем по карте, отмечая новые точки, новые угрозы, новые смерти. Потом — вдруг оказался в медотсеке, и Лайла перевязывала его правую руку, и её пальцы — холодные, тонкие, с обломанными ногтями — подрагивали, когда она касалась чёрной, пульсирующей кожи.

Потом — снова провал.

Он сидел на краю койки, сжимая «Рассекатель» в левой руке, и смотрел в одну точку на стене — туда, где Купол когда-то нацарапал ножом дни, оставшиеся до выхода. Семьдесят три. Шестьдесят два. Сорок восемь. Цифры обрывались на тридцать первом — Купол перестал верить, или перестал считать, или просто умер раньше, чем успел закончить. Алекс провёл пальцем по царапинам — они были мелкими, почти незаметными в тусклом свете аварийной лампы, но они были. Память о человеке, который научил его не бояться темноты. Который умер, прикрывая его спину. Который сказал перед смертью: «Ты справишься. Ты сильнее, чем думаешь».

Алекс не чувствовал себя сильным. Он чувствовал себя усталым. Усталым так, что кости гудели, а веки тяжелели, но сон не приходил — боялся, что во сне система снова нападёт, или чужой голос заговорит громче, или он проснётся с чёрными глазами и не вспомнит, кто он.

Правая рука — чёрная, замотанная в свежие бинты, которые Лайла наложила перед рассветом, — лежала на колене. Он чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как вены пульсируют в такт его сердцу. Иногда ему казалось, что рука живёт своей жизнью — двигается без команды, напрягается без причины, дышит в такт чужому, нечеловеческому ритму.

Он сжал кулак. Когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь — густая, тяжёлая, пахнущая озоном и железом — проступила на ткани, оставляя тёмные, почти незаметные пятна. Боль была острой, привычной. Она напоминала ему, что он ещё жив.

Интерфейс пульсировал перед глазами — зелёный, знакомый, почти родной.

[Время с момента активации: 401 час 33 минуты]

[Уровень: 14]

[Интеграция Нулевого объекта: 63%]

[Автономный режим: активен. Последний приступ: 4 часа назад]

[ОЗ: 240/240]

[ОВ: 130/140]

[Психоэмоциональный след: 30% → 31% (стресс, ожидание встречи с предателем)]

[Новый навык: «Анализ» (ур.1) — позволяет оценить психологическое состояние цели, скрытые мотивы, слабые места. Дальность: 10 метров. Стоимость: 5 ОВ.]

— Тридцать один процент, — прочитал Алекс вслух. Голос его был хриплым, надтреснутым, как у человека, который долго не пил и не говорил. — Ещё немного — и вера беженцев в меня станет культом. А культ — это уже не надежда. Это болезнь. Как интеграция. Как голос Пророка в моей голове. Её нельзя вылечить. Можно только убить носителя.

Он подумал о беженцах. О сорока семи людях, которые смотрели на него снизу вверх, с надеждой, смешанной со страхом. О тех, у кого на лбах пульсировали чёрные метки — остаточная энергия Пророка, которая ещё не рассеялась. О старике, который привёл их к воротам и сказал: «Мы будем работать. Не верить — работать». Алекс не знал, правда ли это. Он знал только, что не может позволить себе роскошь проверить. Слишком многое было поставлено на карту.

2.

Архивариус сидел за пультом, откинувшись на спинку стула, и его пальцы — тонкие, бледные, с обломанными ногтями — лежали на клавиатуре, но не двигались. Он не работал. Он смотрел на карту, на красную точку, обозначающую место встречи, на Алекса, и его лицо было бледным, почти прозрачным, с синеватыми прожилками вен на висках. Под глазами залегли глубокие, тёмные круги — он не спал ещё больше, чем Алекс, расшифровывая файлы планшета Хана, готовя карты, анализируя риски.

— Коготь, — сказал Архивариус, и его голос был тихим, почти шёпотом, как будто он боялся, что его услышат стены, которые и так знали все секреты. — Лейтенант «Железного кулака». Уровень 14, ранг Гладиатор. Командует штурмовым отрядом. Не любим, но боятся. Мои источники говорят, он умён. Осторожен. И зол. На что зол — ты знаешь. Барон платит ему меньше, чем он заслуживает. Держит на коротком поводке, не доверяет настоящую власть. Коготь не из тех, кто терпит. Он ждёт. Надеется на случай. Или на дурака, который предложит ему больше.

— Я не дурак, — сказал Алекс, не отрывая взгляда от карты. — Я знаю, что он предатель. Я знаю, что он предаст меня, если ему будет выгодно. Но сейчас ему выгодно не предавать. Сейчас ему выгодно, чтобы мы победили. Потому что если Барон умрёт, Коготь станет новым лидером «Железного кулака». А если Барон выживет — Коготь умрёт. Не от моей руки — от его. Или от рук его собственных людей, когда они узнают, что он предал.

— Ты уверен, что он не предаст тебя сразу после победы? — спросил Архивариус, поворачиваясь к нему. В его глазах — серых, усталых, с красными прожилками — была не только информация, но и что-то другое. Страх? Сомнение? Усталость? — Если он станет новым Бароном, зачем ему нужен союзник, который сильнее его? Он убьёт тебя. Или попытается. И тогда мы останемся без лидера.

— Тогда вы будете новыми «Нулевыми», — ответил Алекс. — Шрам. Ты. Лайла. Тот, кто возьмёт на себя ответственность. Тот, кто не бросит.

— Я не воин, — сказал Архивариус. — Я не смогу вести их. Они не пойдут за мной.

— Пойдут, — ответил Алекс. — Потому что если я умру, у них не будет выбора. А «Нулевые» не сдаются. Они выживают. Или умирают, пытаясь. Даже без меня.

Он встал, подошёл к окну. За бронированным стеклом была пустошь — серая, бесконечная, пустынная. Ветер нёс пепел и пыль, смешивая их с серым небом. Рассвет был ещё далеко — но он приближался. Алекс чувствовал это по тому, как земля дрожала под ногами — слабо, едва уловимо, но настойчиво.

— Три часа, — сказал Алекс, не оборачиваясь. — Через три часа я встречусь с человеком, который вчера пытал Валета. Который вживил ему в голову металлическую пластину. Который хотел сделать из него «Молчаливого». И я должен буду с ним торговаться. Убеждать. Договариваться. Не убивать — договариваться.

— Ты не обязан его уговаривать, — сказал Архивариус. — Ты можешь послать кого-то другого. Шрама. Клыка. Лену. У нас есть люди, которые умеют разговаривать с предателями.

— Нет, — ответил Алекс, поворачиваясь. — Коготь хочет говорить со мной. Он не поверит никому другому. Он должен увидеть мою чёрную руку. Услышать мой голос. Почувствовать страх, который я внушаю другим. Если я пошлю кого-то другого, он решит, что я слаб. А слабых в Воронке убивают.

— Ты не слаб, — сказал Архивариус. — Ты устал. Это разные вещи.

— Для Когтя — одно и то же, — ответил Алекс. — Он не видит разницы. Он видит только силу и слабость. Жизнь и смерть. Если я приду сам — он будет говорить. Если я пошлю кого-то другого — он убьёт посыльного и докажет Барону, что он верен. И тогда мы потеряем всё.

Он подошёл к столу, взял «Рассекатель». Клинок был холодным, но в его руке он быстро нагрелся, красные прожилки засветились ярче, чувствуя напряжение. Клинок был живым. Как осколок. Как он сам.

— Ты говорил с Валетом? — спросил Архивариус. — Он настаивает, чтобы идти с тобой.

— Да, — ответил Алекс. — Я пытался отговорить его. Бесполезно. Он сказал, что если я не возьму его, он пойдёт сам. С перевязанной головой, со сломанными «Когтями», с одной рукой. И умрёт. Не от раны — от гордости.

— Он умрёт, если ты возьмёшь его, — сказал Архивариус. — Стимулятор даст ему четыре-пять часов. Потом он рухнет. Если вы не вернётесь к тому времени…

— Вернёмся, — перебил Алекс. — Не смей говорить «если».

Архивариус замолчал. Его пальцы — тонкие, бледные, с обломанными ногтями — сжались в кулаки.

— Я не хочу, чтобы ты его бросал, — сказал он, и его голос дрогнул — впервые за долгое время. — Я просто боюсь. Боюсь, что мы уже потеряли его. Боюсь, что следующий, кого мы потеряем, будешь ты. Боюсь, что без тебя клан рассыплется, как старый бетон, как песок, как всё, что построено на надежде, а не на стали.

— Клан построен на людях, — ответил Алекс. — На нас. На тебе. На Шраме. На Лайле. На Косом. На девочке с камнем. Если я умру — клан не рассыплется. Его будут держать те, кто останется. Это моя вера. Не надежда — вера. А вера сильнее стали.

Он посмотрел на интерфейс. Время с момента активации: 402 часа 48 минут.

— Два часа, — сказал он. — Два часа до выхода. Я пойду готовиться.

Он вышел из командного центра, оставив Архивариуса одного — с картами, с цифрами, со страхом.

3.

Валет ждал его у входа в медотсек.

Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и его лицо было бледным, но глаза — чёрными, пустыми, с красными прожилками — горели холодным, ровным светом. Левая рука висела на перевязи — вывихнутое плечо, которое Лайла вправила, но не зафиксировала достаточно надёжно, потому что бинтов не хватало. На правой — «Когти Ворона». Один коготь был сломан, лезвие торчало под странным углом, металлические накладки покрыты трещинами. Артефакт не пульсировал — он был спящий. Или сломанный настолько, что даже его артефактная природа не могла восстановиться.

— Ты не пойдёшь, — сказал Алекс, останавливаясь напротив. Это был не вопрос — утверждение. — Ты едва стоишь. Ты не сможешь драться. Ты будешь обузой.

— Я — твоя тень, — ответил Валет. Голос его был слабым, хриплым, но в нём слышалась та самая сталь, которая всегда была в нём, даже когда он молчал. — Если Коготь предаст, я узнаю об этом первым. Если он устроил засаду, я почувствую её раньше, чем ты. Я не буду драться. Я буду смотреть. Слушать. Дышать. И если нужно — я умру, прикрывая тебя.

— Ты уже умирал, — сказал Алекс. — Хватит.

— Я ещё не умер, — ответил Валет, и в его глазах — чёрных, пустых — мелькнуло что-то, похожее на улыбку. — Не дождались.

Лайла вышла из медотсека, сжимая медицинский модуль, и её лицо было бледным, но глаза — голубыми, почти прозрачными — горели.

— Он не пойдёт, — сказала она. — Я не разрешу. У него открытая рана на затылке. Если он будет двигаться слишком активно, швы разойдутся. Он умрёт от потери крови. Или от инфекции. Или от того, что я не успею его спасти.

— Я не прошу разрешения, — ответил Валет, глядя на Лайлу. — Я просто иду.

— Я вколю тебе успокоительное, — пригрозила Лайла, сжимая шприц. — И ты проспишь сутки.

— Тогда ты убьёшь Алекса, — ответил Валет. — Потому что без меня он не увидит засаду. Или не увидит вовремя. Или не увидит вообще. Ты хочешь этого?

Лайла замерла. Её пальцы дрожали. Она посмотрела на Алекса, потом на Валета, потом снова на Алекса.

— Ты дурак, — сказала она Валету. — Идиот. Самоубийца.

— Знаю, — ответил Валет. — Но я иду.

Он встал, пошатнулся, опираясь на здоровую руку. Лайла подхватила его, помогла удержать равновесие.

— Две минуты, — сказала она, доставая шприц с мутной желтоватой жидкостью. — Я вколю тебе стимулятор. Он даст тебе четыре-пять часов сил. Потом ты рухнешь. Если вы не вернётесь к тому времени — ты умрёшь. Не от раны — от истощения. Это понятно?

— Понятно, — ответил Валет.

Она вколола ему стимулятор в бедро — прямо через штаны, не заботясь о стерильности. Валет дёрнулся, зашипел, но не закричал. Его лицо покрылось потом, но глаза стали ярче, живее.

— Держись, — сказала Лайла, убирая шприц. — И возвращайтесь. Оба.

Она повернулась к Алексу, взяла его за руку — чёрную, замотанную в бинты — и посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты тоже не умри, — сказала она. — Я не хочу хоронить тебя.

— Постараюсь, — ответил Алекс.

Он хотел уйти, но Лайла не отпустила его руку.

— Ты изменился, — сказала она. — Раньше ты не умел лгать. Теперь ты врёшь предателям. Врёшь себе. Врёшь мне. Ты говоришь, что веришь в клан. Но я вижу твои глаза. Ты не веришь. Ты боишься. Боишься, что не справишься. Боишься, что умрёшь. Боишься, что ваша смерть будет напрасной.

Алекс посмотрел на неё. На её бледное лицо, на её голубые глаза, на её руки, которые всё ещё держали его чёрную, пульсирующую руку. Она была права. Она всегда была права.

— Боюсь, — признал он. — Но не показываю. Это моя работа.

— Твоя работа — не врать, — ответила Лайла. — Твоя работа — вести. А вести можно только честно. Если ты будешь врать им — они почувствуют. И перестанут верить. А если они перестанут верить — они умрут.

Она отпустила его руку. Развернулась и ушла в медотсек, не оглядываясь.

4.

Глухарь ждал у ворот, прижав ладонь к бетону, и его лицо было спокойным — спокойным, как у человека, который делал это тысячи раз. Но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. На нейтральной полосе, в трёх километрах к северу, пульсировала жизнь. Одна — нервная, хаотичная, с частыми, скачущими ритмами. Коготь. Вторая — спокойная, ровная, почти незаметная. Кто-то ещё. Третий — затаившийся, как хищник, который замер перед прыжком. Четвёртый и пятый — те, кто ждал наверху, на крыше склада, с арбалетами наготове.

Глухарь показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к стене, потом пять пальцев, потом сжатие в кулак.

«Пятеро. Трое внутри — двое снаружи. Двое наверху. Оружие — арбалеты. Не агрессия — защита. Страх».

— Коготь привёл подстраховку, — сказал Валет, поправляя перевязь на левой руке. — Он не дурак. Он не придёт один. Но если мы увидим, что их больше пяти, — уходим.

— А если они увидят нас раньше, чем мы их? — спросил Алекс.

— Тогда будем договариваться, — ответил Валет. — Или прорываться. Как обычно.

Алекс посмотрел на интерфейс. Время с момента активации: 403 часа 12 минут.

— Идём, — сказал он.

Они вышли за ворота.

Часть вторая. Путь к нейтральной полосе

5.

Пустошь дышала холодом.

Ветер дул с севера, неся с собой запах сырости, ржавчины и чего-то ещё — дыма? Горячего металла? Алекс не мог разобрать, да и не пытался. Он шёл первым, держа «Рассекатель» в левой руке. Правая — чёрная, замотанная в бинты — висела плетью, и он чувствовал, как когти царапают ткань изнутри, как вены пульсируют в такт его сердцу. Интерфейс показывал уровень опасности: жёлтый — умеренный. Ни врагов, ни засад. По крайней мере, поблизости.

Валет шёл за ним, держась в тени, почти невидимый, почти растворённый в сером свете. Его сломанные «Когти Ворона» не пульсировали — они были мёртвы, спящие, сломанные. Но

сам Валет был жив. Он двигался бесшумно, как всегда, и его дыхание было ровным, спокойным — стимулятор работал.

Глухарь замыкал строй, прижав ладонь к земле. Его лицо было спокойным, но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. Три километра до нейтральной полосы. Два. Один. Вибрации становились сильнее, отчётливее, опаснее.

Алекс думал о том, как Купол учил его ходить по пустоши. «Никогда не смотри только под ноги, — говорил Купол. — Смотри вперёд. Смотри по сторонам. Смотри назад. Враг может прийти откуда угодно. Даже из-под земли. Даже изнутри тебя». Алекс смотрел. Вперёд — на серую мглу, где прятался склад. По сторонам — на руины, на остовы машин, на чёрные силуэты разрушенных зданий. Назад — на следы, которые они оставляли на пепле. Следы вели к форту. К дому. К надежде.

Он думал о девочке с камнем. О её глазах — огромных, серых, в которых отражались звёзды там, где их не было. О её словах: «Он боится того, кто стоит за его спиной. Того, у кого нет лица». Алекс не знал, кто это — человек без лица. Может быть, Уголь. Может быть, Мадам. Может быть, кто-то третий, о ком они даже не слышали. Но он знал, что девочка не врёт. Она никогда не врала. Она просто говорила то, что видела. А видела она больше, чем любой из них.

Он думал о Лайле. О её руках — тонких, холодных, которые умели и лечить, и убивать, и держать его за руку, когда он боялся признаться в страхе. О её словах: «Твоя работа — не врать. Твоя работа — вести». Она была права. Но он не мог быть честным до конца. Если бы он сказал всем, что боится, что сомневается, что каждую ночь слышит голос Пророка, который шепчет: «Ты — новый бог. Прими веру. Стань мной», — они бы испугались. А страх — это вирус. Он распространяется быстрее, чем чума. И лечится только одним — смертью источника.

Он думал о Валете. О том, как тот сломал свои «Когти», чтобы вырваться из плена. Как шёл по пустоши двое суток, с открытой раной на затылке, с ядом в кармане, который не принял, потому что надеялся. Надеялся на них. На клан. На семью. Алекс не знал, правильно ли это — надеяться. Он знал только, что без надежды они были бы уже мертвы. Все. До одного.

6.

Они остановились в полукилометре от склада, за грудой бетонных обломков. Алекс достал бинокль — старый, с треснувшим стеклом, но ещё работающий — и посмотрел на здание.

Склад был старым, довоенным, с обрушившейся крышей и стенами, покрытыми чёрной, блестящей плесенью. Окна — пустые глазницы, двери — сломаны, арматура торчит в разные стороны, как иглы дикобраза, как копья, как кости гигантского, давно умершего зверя. Внутри — темнота. И — движение. Тени. Три тени.

— Трое, — сказал Алекс, опуская бинокль. — Один — у входа. Двое — внутри. Коготь — в центре. Я узнаю его по походке.

— Снайперы? — спросил Валет, выглядывая из-за обломка.

— Не вижу. Может быть, на крыше. Может быть, за стенами. Может быть, их нет. Глухарь, что чувствуешь?

Глухарь прижал ладонь к земле сильнее, закрыл глаза. Замер на двадцать секунд. Потом открыл — неестественно светлые, почти белые — и показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к земле, потом два пальца, сложенные вместе, потом резкое движение вверх, потом — ещё два пальца, но в другом направлении, и сжатие в кулак.

«Двое. Наверху. Слева и справа. Медленные сердца. Не бойцы — наёмники. Ждут. Не агрессия — страх. Ещё двое. Снаружи. За стенами. Прячутся. Арбалеты. Тоже не агрессия — защита».

— Четверо, — перевёл Алекс. — Двое на крыше, двое за стенами. Коготь не доверяет нам. Он взял подстраховку. Не для нападения — для защиты. Если мы попытаемся убить его, они откроют огонь. Если нет — они будут просто стоять.

— Что делаем? — спросил Валет.

— Идём, — ответил Алекс. — Не прячем оружие, но и не демонстрируем. Я — первый. Ты — второй. Глухарь — замыкает. Если кто-то из наёмников направит на нас арбалет — ты убьёшь его, Валет. Если сможешь.

— Смогу, — ответил Валет, сжимая сломанные «Когти». — Даже с одной рукой.

Алекс посмотрел на него долгим взглядом. На его бледное лицо, на его перевязанную голову, на его сломанный артефакт. Потом кивнул.

— Тогда идём.

7.

Склад встретил их запахом плесени и сырости.

Внутри было темно — только тусклый свет пробивался сквозь трещины в стенах, создавая причудливую игру света и тени. Тени плясали, как призраки, как демоны, как смотрящие, и воздух был тяжёлым, спёртым, пахнущим потом, страхом и надеждой.

Коготь стоял в центре, у старого, ржавого станка, который когда-то, наверное, был частью производственной линии, а теперь — просто грудой металлолома. Он был высоким, худым, с лицом, изрезанным старыми шрамами и обожжённым с левой стороны — след от старой, давней раны. Глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на Алекса с усталой злобой. Одежда — чёрная, без знаков отличия, но дорогая, из плотной ткани. На поясе — два коротких меча, рукояти обмотаны кожей.

Рядом с ним, в трёх метрах справа и слева, стояли двое наёмников. Их лица были скрыты масками — чёрными, с узкими прорезями для глаз, — но Алекс чувствовал их взгляды. Холодные, оценивающие, просчитывающие. В руках — арбалеты. Не направленные на Алекса, но готовые к бою. На поясах — ножи. Короткие, широкие, с зазубринами на обухе.

— Алекс, — сказал Коготь, и его голос был тихим, спокойным, почти ласковым — от этого становилось страшнее. — Убийца Хана. Убийца Вожака. Убийца матки нетопырей. Лидер «Нулевых». Я много слышал о тебе. Говорят, ты умён. Говорят, ты жесток. Говорят, ты не убиваешь безоружных. В Воронке это редкость.

— Говорят много чего, — ответил Алекс, останавливаясь в пяти метрах от Когтя. Он держал «Рассекатель» в левой руке, но не угрожающе — просто наготове, на случай, если наёмники передумают. — Я пришёл не слушать слухи. Я пришёл говорить. О чём?

Коготь усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ. Усмешка была как шрам, как трещина, как ожог.

— О будущем, — сказал он. — О том, кто будет жить, а кто умрёт. О том, кто будет править, а кто — подчиняться. Твой клан мал. У тебя девять бойцов, может быть, десять. У Барона — сорок. Он может уничтожить тебя за день. Но он не хочет. Он ждёт. Он надеется, что ты умрёшь сам. От голода. От интеграции. От того, что твоя чёрная рука сожрёт тебя изнутри. А я не хочу ждать. Я хочу действовать.

— Почему? — спросил Алекс, хотя уже знал ответ.

— Потому что Барон — трус, — ответил Коготь, и в его голосе зазвучала ненависть. Чистая, незамутнённая, выжженная годами поражений. — Он боится. Боится Мадам. Боится Угля. Боится тебя. Он не нападает, потому что не уверен в победе. Он ждёт, пока ты ослабеешь, пока твои люди умрут от голода, пока твоя чёрная рука не сожрёт тебя окончательно. Он не лидер. Он — паразит. Он питается страхом своих людей. А я устал быть его псом.

Алекс активировал «Анализ».

[Цель: Коготь, лейтенант «Железного кулака», уровень 14, ранг Гладиатор]

[Психологический профиль: хроническое недоверие, склонность к предательству, желание власти, страх перед Бароном (уровень 7/10), страх перед неизвестностью (уровень 6/10), страх перед собственным бессилием (уровень 8/10)]

[Скрытые мотивы: не столько желание уничтожить Барона, сколько желание занять его место. Ищет не союзника, а инструмент для захвата власти. Боится, что без союзника его убьют свои же люди, когда узнают о его слабости.]

[Слабое место: нарциссическая травма. Не переносит критики в адрес своих лидерских качеств. Может совершать необдуманные поступки при угрозе его авторитету. Боится выглядеть слабым перед подчинёнными.]

Алекс прочитал строки, и внутри, где-то глубоко, чужой голос — голос Пророка, который всё ещё шептал на границе сознания — усмехнулся: «Нарцисс. Как ты. Как Хан. Как все, кто верит, что они умнее других. Играй с ним. Играй — и победишь».

— Я знаю, чего ты хочешь, — сказал Алекс, глядя Когтю прямо в глаза. — Не просто свободы. Власти. Ты хочешь занять место Барона. Хочешь, чтобы «Нулевые» помогли тебе

убить его, а потом ты станешь новым лидером «Железного кулака». И тогда ты будешь должен мне. Это твой план?

Коготь замер. Его лицо — грубое, шрамированное — исказилось. Не гневом — удивлением. Алекс попал в точку.

— Откуда ты знаешь? — спросил Коготь, и его голос дрогнул — впервые за этот разговор.

— Я не знаю, — ответил Алекс. — Я вижу. Твои глаза, твоя походка, твои руки, которые сжимают мечи так, будто ты уже держишь трон. Ты не просто хочешь убить Барона. Ты хочешь быть им. Это понятно. Это естественно. Но я не собираюсь работать на того, кто вчера пытал моего человека. Ты пытал Валета. Ты вживил ему в голову эту… штуку. Ты хотел сделать из него «Молчаливого». А теперь ты хочешь, чтобы я тебе помог? Почему я должен тебе верить?

Коготь посмотрел на Валета, который стоял в тени, прислонившись к стене, и его лицо было бледным, но глаза — чёрными, пустыми — смотрели на Когтя с ненавистью. Чистой, незамутнённой, выжженной годами боли.

— Я… — Коготь сглотнул. Его кадык дёрнулся. Он провёл языком по пересохшим губам. — Я не хотел. Барон приказал. Если бы я отказался, он убил бы меня. И вашего разведчика. Я выбрал меньшее зло.

— Меньшее зло? — переспросил Валет, и в его голосе зазвучала сталь. — Ты пытал меня двое суток. Ты вживил мне в голову металлическую пластину. Ты хотел, чтобы я забыл, кто я. Это не меньшее зло. Это — предательство. Ты предал меня. Теперь ты хочешь предать Барона. Зачем мне верить человеку, который предаёт всех, кому служил?

Коготь молчал. Его лицо было бледным, но глаза — тёмными, глубоко посаженными — горели.

— Потому что у тебя нет выбора, — сказал он наконец. — Барон сильнее. Если вы не ударите первыми, он ударит сам. Через девять дней. Десять — если будет экономить. У него кончается еда. Он будет искать новые источники. И ваш форт — самый близкий. Самый лёгкий. Самый уязвимый. Если вы не поможете мне, вы умрёте. Все. До одного.

Часть третья. Кровь на нейтральной земле

8.

Напряжение в складе стало плотным, почти осязаемым.

Алекс чувствовал, как наёмники сжимают арбалеты, как их пальцы ложатся на спусковые крючки, как Валет напрягается, готовясь к броску, как Глухарь прижимает ладонь к стене, слушая вибрации, которые могли означать приближение врага — или предательство.

Он смотрел на Когтя и думал. О том, что этот человек — не просто предатель. Он — отражение. Отражение того, кем Алекс мог бы стать, если бы потерял веру в людей. Если бы перестал верить, что за ним пойдут не из страха — из любви. Если бы решил, что власть — это единственная валюта, которая имеет значение в Воронке.

— Хорошо, — сказал Алекс, делая шаг вперёд. — Я согласен. Но цена будет не осколки. Осколки мы заберём себе. Ты получишь должность. Наместника Южного сектора. Когда мы победим, ты будешь управлять территорией, которую сейчас контролирует Барон. Но если ты предашь — я убью тебя. Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели. Это не угроза — это обещание.

Коготь усмехнулся — криво, невесело, одними уголками губ.

— Ты думаешь, я боюсь смерти? — спросил он. — Я видел смерть тысячи раз. Я убивал. Меня пытали. Я выжил. Смерть — это не страшно. Страшно — умереть ничем. Умереть псом, которого никто не запомнит. Я не хочу быть псом. Я хочу быть волком. Если ты дашь мне шанс — я буду твоим союзником. Если нет — я найду другого.

— Другого не будет, — ответил Алекс. — Мадам не доверяет предателям. Уголь убьёт тебя, если ты подойдёшь к нему. «Стальные» — тоже. Я — единственный, кто готов рискнуть. Не потому, что я добрый. Потому что мне нужен ключ к цитадели. И ты — этот ключ.

Он протянул руку — левую, здоровую. Коготь посмотрел на руку, потом на Алекса, потом на наёмников, которые замерли, ожидая приказа. На их лицах — скрытых масками — не было ничего. Только ожидание.

— Договорились, — сказал Коготь, пожимая руку.

9.

И в этот момент Глухарь подал сигнал тревоги.

Три коротких, один длинный, два коротких, один длинный — «Враги. С юга. С запада. С востока. Идут сюда. Быстро. Много. С разных сторон».

Алекс замер. Он посмотрел на Когтя. Тот выглядел так же удивлённо, как и он.

— Это не мои люди, — сказал Коготь, и в его голосе впервые зазвучал страх. — Я пришёл с четырьмя. Только с четырьмя. Если кто-то идёт — это не я.

— Патруль? — спросил Валет, подходя к выходу.

— Не знаю, — ответил Коготь. — Барон меняет графики. Может быть, он узнал. Может быть, это просто совпадение. Но если они увидят нас вместе — мы все умрём.

— Глухарь, сколько? — спросил Алекс.

Глухарь прижал ладонь к земле, закрыл глаза. Замер на десять секунд. Потом открыл — неестественно светлые, почти белые — и показал жест: сначала раскрытую ладонь, прижатую к земле, потом пять пальцев, потом сжатие в кулак, потом — ещё три пальца, и снова сжатие.

«Пятеро. Нет — восьмеро. Идут с трёх сторон. Ровные сердца — не патруль, отряд. Вооружены. Тяжёлое оружие».

— Восьмеро, — повторил Алекс. — Тяжёлое оружие. Барон послал их кого-то убить. Или проверить. Или просто случайно. Неважно. Если они увидят нас — мы умрём.

— Что будем делать? — спросил Валет, сжимая сломанные «Когти».

— Убьём их, — ответил Алекс, и в его голосе зазвучала сталь. — Тихо. Быстро. Без шума. Коготь, ты с нами? Если мы убьём их, обратного пути не будет. Барон узнает, что ты предал. Ты станешь изгоем. Ты согласен?

Коготь посмотрел на наёмников. Те смотрели на него. Потом он кивнул.

— Убьём, — сказал он. — Всех. До одного.

10.

Бой был коротким и кровавым.

Алекс не использовал «Когти Нуля» — берёг здоровье. Вместо этого — «Рывок» и «Рассекатель». Время замедлилось. Мир стал вязким, как патока, как смола, как время в предсмертном сне.

Первый враг — высокий, с двуручным тесаком — умер от удара в шею. Клинок вошёл в плоть, как в масло, — глубоко, до самой рукояти. Кровь брызнула — чёрная, густая, пахнущая железом и серой. Враг упал, даже не взвизгнув.

Второй — коренастый, с арбалетом — успел выстрелить, но болт прошёл мимо, вонзившись в стену склада. Алекс рубанул «Рассекателем» — наискось, от плеча до пояса. Клинок разрезал броню, кожу, мышцы, внутренности. Враг рухнул на колени, забился в агонии, затих.

Третий попытался бежать, но наткнулся на Валета. Валет двигался как вихрь — бесшумный, быстрый, смертоносный. Сломанные «Когти Ворона» вошли в сердце, пробив рёбра, как бумагу. Кровь брызнула на его лицо, на руки, на одежду. Он не отшатнулся. Он держал тело, пока оно не перестало биться.

Четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой — наёмники Когтя и сам лейтенант — добили последних врагов. Арбалетные болты вошли в спины, в затылки, в шеи. Мечи рубили броню, кожу, кости. Крики оборвались, не родившись.

Бой длился меньше двух минут.

На полу склада лежали восемь тел. Кровь растекалась по бетону, смешиваясь с пылью и пеплом, образуя чёрные, зловонные лужи. Воздух был тяжёлым, спёртым, пахнущим железом, смертью и потом.

Алекс стоял над телами, тяжело дыша, и смотрел на Когтя. Тот вытирал меч о куртку мёртвого солдата, и его лицо было бледным, но глаза — тёмными, глубоко посаженными — горели.

— Теперь ты — предатель, — сказал Алекс. — Обратного пути нет. Если Барон узнает — ты умрёшь. Если мы не победим — ты умрёшь. Ты готов?

— Готов, — ответил Коготь. — Я всегда был готов. Просто ждал повода.

Часть четвёртая. Клеймо

11.

Когда тела убрали — Глухарь и наёмники Когтя стащили их в старый, заброшенный колодец за складами, — Алекс сел на ящик, достал из кармана маленький, свинцовый контейнер.

Контейнер был тяжёлым, холодным, с выцарапанными символами, похожими на те, что были на лбах беженцев. Внутри — «Клеймо». Тот самый артефакт, который Архивариус извлёк из головы Валета, переделал и превратил в инструмент контроля.

— Это твоя гарантия, — сказал Алекс, открывая контейнер и показывая Когтю чёрную, пульсирующую пластину. — Оно замедлит твою интеграцию, если ты носитель, и убьёт, если ты предашь. Не сразу. Медленно. Сначала ты перестанешь чувствовать вкус еды. Потом — забудешь имена. Потом — перестанешь узнавать лица. Потом — умрёшь. Это не магия. Это наука. Архивариус объяснит тебе детали, если ты выживешь.

Коготь посмотрел на пластину. Его лицо было бледным, но глаза — тёмными, глубоко посаженными — не выражали ничего. Ни страха. Ни надежды. Ни ненависти.

— Ты блефуешь, — сказал он. — Это не работает.

— Проверь, — ответил Алекс, протягивая контейнер. — Вживи себе в руку. Если через час ты не почувствуешь холода в крови — я отпущу тебя. И мы забудем о сделке.

Коготь замер. Смотрел на пластину долгим, тяжёлым взглядом. Потом взял её. Положил на ладонь. Пластина пульсировала — тускло, медленно, как сердцебиение.

— Хорошо, — сказал он, пряча контейнер в карман. — Я проверю. Если это обман — я убью тебя. Не сразу. Медленно. Как учили меня «Корректоры».

— Договорились, — ответил Алекс.

12.

Валет подошёл к Алексу, когда наёмники Когтя ушли в тень, а сам лейтенант отошёл к выходу, переговариваясь с ними о чём-то на низких, чужих частотах, которые Алекс не мог разобрать.

— Ты не вживил бы ему это, — сказал Валет. Это был не вопрос — утверждение. — Ты не стал бы таким. Ты не Хан. Ты не Мадам. Ты не Уголь.

— Нет, — ответил Алекс. — Это не «Клеймо». Это подделка. Архивариус сказал, что оно работает только как плацебо. Человек верит, что его контролируют, и начинает вести себя

так, как от него ждут. Коготь не знает, что это обман. Он проверит. Он почувствует холод в крови — от страха. Он решит, что артефакт работает. И будет послушен. Пока не поймёт, что его обманули. А когда поймёт — будет поздно. Мы уже победим. Или умрём.

— Ты рискуешь, — сказал Валет. — Если он узнает раньше…

— Не узнает, — ответил Алекс. — Потому что ты будешь следить за ним. Ты — моя тень. Мои глаза. Мои уши. Если он начнёт подозревать — ты предупредишь. И тогда мы убьём его. Не сразу. Медленно. Чтобы другие видели.

Валет кивнул. Коротко, сухо.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду следить.

13.

Архивариус ждал его в командном центре.

Старик сидел за пультом, вглядываясь в монитор, на котором горела карта цитадели, и его лицо было бледным, но глаза — серыми, усталыми — горели.

— Коготь взял «Клеймо»? — спросил он, не оборачиваясь.

— Взял, — ответил Алекс, садясь на стул. — Он проверит его сегодня. Если поверит — мы в игре. Если нет — будем готовиться к осаде.

— Он поверит, — сказал Архивариус, поворачиваясь. — Плацебо работает на тех, кто хочет верить. Коготь хочет верить. Он устал бояться. Он устал быть псом. Он хочет быть волком. Ты дал ему надежду. Надежда — это сильный наркотик. Сильнее, чем осколки. Сильнее, чем вера. Сильнее, чем страх.

— Надежда — плохая стратегия, — ответил Алекс. — Купол учил меня: надежда — это самообман. Она не лечит. Не спасает. Не воскрешает.

— Купол был прав, — Архивариус кивнул. — Но без надежды мы были бы уже мертвы. Все. До одного.

Он встал, подошёл к карте, провёл пальцем по цитадели.

— Три дня, — сказал он. — Три дня, чтобы подготовиться. Укрепить стены. Научить рекрутов. Найти союзников. Если мы не успеем…

— Успеем, — ответил Алекс. — У нас нет выбора.

Эпилог. Глаза из темноты

14.

Ночью, когда форт затих, Алекс поднялся на стену.

Небо было чёрным, беззвёздным, и только ветер выл в стенах, завывал в пустых оконных проёмах, бросал в лицо мелкий, колючий пепел. Глухарь стоял рядом, прижав ладонь к бетону, и его лицо было спокойным, но пальцы подрагивали — он чувствовал вибрации. С севера — тишина. С запада — тишина. С юга — тишина. Только земля гудела ровно, монотонно, как спящий зверь, который наелся и теперь отдыхает, свернувшись калачиком в глубокой, тёплой норе.

Девочка с камнем подошла к нему бесшумно, как тень. Она сжимала в руке свой гладкий, тёплый талисман, и её глаза — огромные, серые — смотрели на Алекса с высоты детского роста, но с мудростью, которая не даётся годами.

— Ты встретился с плохим человеком, — сказала она. Это был не вопрос — утверждение.

— Встретился, — ответил Алекс, не оборачиваясь.

— Он боится, — сказала девочка. — Не Барона. Он боится того, кто стоит за его спиной. Того, у кого нет лица.

Алекс замер. Он посмотрел на девочку. На её серьёзное, почти взрослое лицо. На её глаза, в которых отражались звёзды — там, где их не было.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— Потому что он смотрел не на тебя, — ответила девочка. — Когда вы говорили, он смотрел в тень. За твоей спиной. Он боялся не тебя. Он боялся того, кто может прийти. Того, кто сильнее. Того, кто не показывает лица.

Алекс сжал кулак — правый, чёрный. Когти впились в ладонь даже сквозь бинты, и чёрная кровь проступила на ткани.

— Кто? — спросил он.

— Не знаю, — ответила девочка. — Но он здесь. Близко. Он смотрит на нас. Он ждёт.

Она повернулась и ушла, оставив Алекса одного — на стене, под чёрным небом, в сердце Воронки, которая не кончалась никогда.

15.

Алекс остался на стене. Он смотрел на север, на цитадель, на Барона, на Когтя, на того, кто стоял за ними, и думал.

Интерфейс пульсировал перед глазами.

[Контроль над сектором: 78% → 80% (установлен контакт с агентом внутри цитадели)]

[Новая угроза: неопознанные отряды между северным и восточным сектором. Активность: высокая. Не принадлежат «Железному кулаку».]

[Вероятность присутствия третьей силы в зоне конфликта: 65%.]

— Третья сила, — прошептал Алекс. — Уголь? Мадам? Кто-то ещё?

Он не знал ответа. Но знал, что должен быть готов к любому развитию событий. Потому что Воронка не прощает ошибок. Воронка пожирает тех, кто не готов.

Он сжал в левой руке зуб Пса — подарок Купола. Зуб был тёплым — тёплым, как живая плоть, как воспоминание о друге, которого больше нет.

«Купол, — подумал Алекс. — Я заключил сделку с предателем. Я дал ему фальшивый артефакт. Я солгал ему. Я использовал его страх. Я стал тем, кем ты не хотел меня видеть. Но у меня нет выбора. Если я не буду играть их игры — они убьют нас. Всех. До одного. Прости».

Ветер нёс пепел, смешивая его с серым небом. Где-то там, на севере, его ждал враг. А где-то между — его тень.

Он закрыл глаза. Открыл.

И остался на стене — ждать рассвета, ждать новых боев, ждать того, что принесёт им Воронка.

Потому что Воронка не кончалась никогда.

И «Нулевые» менялись вместе с ней.

ИТОГ ГЛАВЫ 43: ПЕРЕГОВОРЫ С ПРЕДАТЕЛЕМ

[Ключевые события]

• Алекс проводит тайную встречу с лейтенантом Когтем на нейтральной территории.
• Использует навык «Анализ» для выявления скрытых мотивов предателя.
• Коготь раскрывает истинную цену предательства: должность Наместника Южного сектора.
• Внезапное появление отряда «Железного кулака» (8 бойцов) вынуждает Когтя убить своих же людей, закрепляя предательство кровью.
• Алекс передаёт Когтю фальшивое «Клеймо» (плацебо) для контроля.
• Девочка с камнем предупреждает о «третьей силе» — человеке без лица, который стоит за спиной Когтя.

[Развитие персонажей]

• Алекс — осваивает навыки психологической манипуляции, идёт на сделку с совестью, использует ложь как оружие.
• Валет — несмотря на ранение, настаивает на участии, его лояльность доказана.

• Коготь — раскрыт как предатель с нарциссическими чертами, боится не Барона, а «человека без лица».
• Девочка с камнем — её способности к предвидению или сверхчувствительности подтверждаются (видит то, чего не видят взрослые).

[Потери]

• 0 (убиты 8 бойцов «Железного кулака», не принадлежащих к «Нулевым»).

[Интеграция Алекса]

• 63% → 63.5% (стресс, использование «Анализа», психологическое напряжение).

[Новые угрозы]

• Выявлена «третья сила» (неопознанные отряды, активность между секторами, 65% вероятность вмешательства).
• Коготь — ненадёжный союзник, его мотивы под вопросом.
• Фальшивое «Клеймо» — временное решение, которое может раскрыться.

[Ресурсы]

• Получено подтверждение времени атаки «Железного кулака» (9-10 дней).
• Закреплён альянс с Когтем (условный).
• Получена информация о существовании «третьей силы».

[Ближайшие задачи]

• Подготовка к штурму цитадели через 3 дня.
• Выяснение личности «человека без лица».
• Укрепление обороны форта перед возможной атакой с двух сторон.

Конец главы 43.

ГЛАВА 44. ПОДГОТОВКА К ШТУРМУ

Часть первая. Совет перед бурей

Командный центр форта никогда не был таким тесным.

Маленькое, закопчённое помещение, где раньше собирались только капитаны, теперь вмещало всех, кто имел право голоса. Воздух был спёртым, тяжёлым, пахнущим потом, машинным маслом и страхом. Аварийные лампы горели тускло, отбрасывая длинные, вытянутые тени на стены, на карты, на лица людей. Тени плясали, как призраки, как демоны, как смотрящие, и в этой пляске было что-то зловещее, предвещающее недоброе. Казалось, что сами стены дышали тяжело, с присвистом, как старый, больной зверь, который знает, что его час близок, но не может смириться с неизбежным.

Алекс сидел во главе стола, положив «Рассекатель» на колени. Правая рука — чёрная, замотанная в свежие бинты, которые Лайла наложила перед рассветом, — лежала на столе, и он не прятал её. Не было смысла. Все уже видели. Все уже знали, что их лидер умирает. Или становится монстром. Бинты, которые когда-то были белыми, теперь стали серыми, почти чёрными, пропитанные той странной, маслянистой жидкостью, которая сочилась из его пор вместо крови. Она не пахла железом — она пахла озоном и чем-то сладковатым, приторным, как запах гниющих цветов. Запахом смерти, замаскированной под надежду.

Он смотрел на свою руку долгим, тяжёлым взглядом, и в его глазах — голубых, почти прозрачных, с чёрными точками, которые становились всё больше с каждым днём — отражалось нечто, похожее на принятие. Не смирение — принятие. Он принял тот факт, что его тело больше не принадлежит ему. Что оно стало полем битвы, ареной, где его собственная воля сражалась с волей осколка, с голосом Пророка, с системой, которая медленно, но неотвратимо переваривала его заживо, как удав переваривает жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.